

Ассоциация Исследователей Российского Общества XX века
Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»

В. Э. Молодяков

БЕРЛИН—МОСКВА—ТОКИО:
К ИСТОРИИ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ «ОСИ»,
1939—1941

Данное издание поддержано
«Maison des Sciences de L'Homme» (Paris)

Москва
«АИРО-XX»
2000

Международный совет издательских программ АИРО-XX

Г.А. Бордюгов	главный редактор
А.И. Ушаков	исполнительный директор
С.А. Александров	зам. исполнительного директора
К. Аймермахер	Рурский университет
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Х. Вада	Токийский университет
А.Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р.У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Кээн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В. Молодяков	АИРО-XX, Токийский университет
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Т. Филиппова	Российский исторический журнал «Родина»
Я. Хоултт	Кембриджский университет
Ю. Шерер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
В.И. Голдин	Архангельск
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Канищев	Тамбов
А.Г. Макаров	Москва
Н.А. Постников	Курск
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

Доклад публикуется благодаря поддержке
«Maison des Sciences de L'Homme» (Paris)

Молодяков В.Э. **Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939–1941.** Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 10. – М.: АИРО-XX, 2000. – 72 с.

ISBN 5-88735-059-8

ISBN 5-88735-059-8

© Молодяков В.Э., 2000.
© АИРО-XX, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
«РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ДЕРЖАВЫ» И КОНЦЕПЦИЯ «КОНТИНЕНТАЛЬНОГО БЛОКА»	14
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ КАК ЧЕТВЁРТЫЙ СОЮЗНИК: РИББЕНТРОП В МОСКВЕ, МОЛОТОВ В БЕРЛИНЕ.....	32
ЯПОНИЯ МЕЖДУ БЕРЛИНОМ И МОСКВОЙ.....	49
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	58

ВВЕДЕНИЕ

От времени до времени очень полезно подвергать пересмотру наши привычные исторические понятия для того, чтобы при пользовании ими не впасть в заблуждения, порождаемые склонностью нашего ума приписывать своим понятиям абсолютное значение.

Петр Бицилли (1)

История не знает сослагательного наклонения... Этой расхожей фразой нередко выносятся приговор исследованиям, в которых большое место занимают гипотезы. Да, история сама по себе, как процесс общественного и политического развития не признает никаких «если»: случилось только то, что случилось. Но в исторической науке, в познании прошлого подобная категоричность может сослужить дурную службу. В момент действия и непосредственно перед ним исторический процесс многовариантен. Причем нередко реализуется далеко не самый ожидаемый и представляющийся вероятным вариант, а казалось бы идеально подготовленный и обоснованный проваливается. Поэтому дело историка – не только учесть случившееся, но «просчитать», проанализировать также всё то, что могло произойти с той или иной степенью вероятности.

«Великий знаток человеческой души Оноре де Бальзак утверждал, что «существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и история секретная, в которой скрыты истинные причины событий». Эта своего рода аксиома может быть применена практически к любому периоду человеческой истории, особенно когда заходит речь о нереализованных намерениях власть предержащих. Стремясь к воссозданию исторического процесса

в полном объеме, историческая наука должна учитывать и эти несостоявшиеся расчеты и намерения. Не является исключением и Вторая мировая война, которая была одним из важнейших событий XX века, определившим и до сих пор определяющим развитие мировой истории. Несмотря на большое количество исследований событий 1939–1945 гг., до сих пор остается немало слабо изученных тем и дискуссионных вопросов» (2). Докопаемся ли мы до «истинных причин событий» или нет, я не знаю. Но стараться надо.

Настоящее исследование имеет отчасти гипотетический характер, но это не рассуждения по принципу «что было бы, если бы». Подобные спекуляции весьма привлекательны и даже соблазнительны, но запретны для историков, хотя в данном случае они несравненно более компетентны, чем авторы книг и компьютерных игр из области «альтернативной истории». «Альтернативная история» – это новый вариант того, что уже произошло, попытка «переиграть» события прошлого. Задача историка принципиально другая – показать и доказать, что другой вариант был возможен. Иными словами, «альтернативная история» начинается там, где заканчивается историческое исследование.

Вопросы, о которых пойдет речь, можно сформулировать предельно конкретно. Был ли возможен в 1939–1941 гг., точнее осенью 1940 – зимой 1941 гг., военно-политический союз СССР, Германии и Японии (с Италией в качестве младшего партнера), т. е. держав евразийского континента, против атлантистского блока США, Великобритании и их саттелитов? Если да, то почему он был возможен? И почему не состоялся? Для полного ответа на них потребуется объёмная монография, в которой придётся затронуть множество сопредельных сюжетов. В настоящем докладе я ограничусь постановкой проблемы, краткой характеристикой источников и основной историографии вопроса и изложу некоторые предварительные выводы своей работы. Добавлю, что мною рассмотрены преимущественно политические и дипломатические, а не экономические или военные аспекты проблемы.

В основу методологии исследования положен геополитический подход, т. е. признание геополитических факторов абсолютно приоритетными по отношению ко всем остальным. «Геополитическое положение государства является намного более важным, нежели особенности политического устройства этого государства. Политика, культура, идеология, характер правящей элиты и даже религия рассматриваются в геополитической оптике как *важные, но второстепенные факторы* по сравнению с фундаментальным геополити-

ческим принципом – *отношением государства к пространству*» (3). В данном случае приоритетность геополитического подхода определяются не только академической специализацией или личными пристрастиями автора, но прежде всего необходимостью по-новому взглянуть на историю XX века, отрешившись от идеологически-ориентированных схем. Более того, ориентация именно на геополитические факторы отличала многих действующих лиц нашего исследования.

Между тем историография Второй мировой войны до сих пор остается исключительно идеологизированной, что, несомненно, препятствует её развитию. Официальная американская, западно-, а теперь уже и восточно-европейская наука (mainstream) в целом находится в жестких рамках «политической корректности», а перестройка отечественной историографии нередко сводилась лишь к смене ортодоксии, хотя в России степень свободы академических дискуссий сейчас много больше, чем за её пределами. Поэтому я считаю необходимым указать на свою принадлежность к «ревизионистской» школе историографии мировых войн, оппозиционной «генеральной линии». Она возникла в США и в Европе в начале 1920-х гг. и существует по сей день. Основателями школы были авторитетные историки С. Фэй (Sidney V. Fay), Ч. О. Бирд (Charles A. Bird), Г. Э. Барнес (Harry E. Barnes), Ч. К. Тэнзилл (Charles C. Tansill), М. Монтгелас (Max Montgelas), А. фон Вегерер (Alfred von Wegerer), а после Второй мировой войны к старшему поколению присоединились Дж. Дж. Мартин (James J. Martin), Д. Л. Хоггэн (David L. Hoggan), Д. Ирвинг (David Irving) и другие*.

Главная цель ревизионистов – «привести историю (точнее, историографию – *В. М.*) в соответствие с фактами», как афористично выразился Г. Э. Барнес. Особенности ревизионистской историографии являются неприятия идеологически мотивированных концепций, прежде всего утверждений об исключительной ответственности «оси» Германии, Италии и Японии за начало Второй мировой войны в Европе и на Тихом океане, а также отказ от схемы «хорошие парни – плохие парни» («good guys – bad guys»), принятой в послевоенной официальной историографии как победителей, так и побеждённых. Разумеется, это не означает ни полного, безоговорочного принятия мной всех утверждений ревизионистов, ни отказа

* Впервые в России подробная характеристика этого направления, его истории и современного состояния будет дана в моей работе «Приглушенные голоса. Ревизионистская историография двух мировых войн», готовящейся к печати в 2001 г.

от использования всего положительного опыта их оппонентов. Ревизионизм – не догма, не набор клише или готовых ответов на все вопросы. Ревизионизм в широком смысле слова – это прежде всего степень свободы историка.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Основу нашего исследования составили официальные и неофициальные публикации политических и дипломатических документов Германии, СССР, Японии и Италии, а также США, Великобритании и некоторых других стран (4). Официальный характер изданий призван гарантировать их аутентичность, но в то же время делает их зависимыми от конъюнктурных интересов соответствующих правительств. Особая категория источников – материалы Международного военного трибунала в Нюрнберге (МВТ) и Международного военного трибунала для Дальнего Востока в Токио (МВТДВ) (5). Их несомненная ценность в ряде случаев скомпрометирована использованием недостоверных, неверно переведённых, тенденциозно интерпретированных и просто фальсифицированных текстов. К этой же категории относятся выступления, статьи, интервью и другие документы глав государств и внешнеполитических ведомств, не включенные в указанные выше издания (6). В монографии также будут использованы неопубликованные архивные материалы, но таковых сравнительно немного.

Обратимся к свидетельствам участников событий. Среди германских источников представляют интерес воспоминания министра иностранных дел И. фон Риббентропа, его заместителя Э. фон Вайцеккера, личного переводчика Гитлера П. Шмидта и многолетнего советника посольства в Москве Г. Хильгера, а также дневники военно-морского атташе в Токио П. Веннекера (7). Послевоенные мемуары германских дипломатов часто недостоверны, отличаются предвзятостью и ориентированы на самооправдание путем возложения всей ответственности на Гитлера и Риббентропа.

Японские источники многочисленны, но неравноценны. Так, дневник К. Харада, секретаря влиятельного *ээнро* («государственного старейшины») принца К. Сайондзи, подробен и информативен, но достоверность ряда его сообщений сомнительна, так как записи делались *post-factum* и по памяти, а сам текст подвергся прав-

ке (8). Авторы большинства дневников, например премьер-министр Ф. Коноэ, придворный К. Кидо или дипломат Э. Амо, ограничивались краткой фиксацией фактов (9). Мемуары японских авторов содержат мало нового для специалиста, хорошо знакомого с событиями и документами, поскольку большинство мемуаристов предпочитало пересказывать общеизвестные факты и общепринятые оценки, уклоняясь от изложения личных впечатлений и мнений. Послевоенные воспоминания Ф. Коноэ и дипломатов М. Сигэмицу и Т. Касэ характеризуются заверениями в преданности дружбе с США и Великобританией и стремлением отмежеваться от «милитаристов», на которых возлагалась вся вина за случившееся. Более взвешенный и объективный подход отличает книги дипломатов С. Того и Х. Арита, хотя последний явно злоупотреблял «фигурой умолчания» (10).

Крайне малочисленны советские источники, среди которых следует отметить записи бесед Ф. Чуева с В.М. Молотовым и воспоминания дипломата и переводчика В.М. Бережкова. Известные мемуары И.М. Майского имеют скорее публицистический характер и, на мой взгляд, не представляют большой ценности в качестве исторического источника (11).

Среди итальянских источников наиболее известным являются дневники министра иностранных дел Г. Чиано, однако их аутентичность вызывает сомнения: оказавшись в 1943 г. в опале и предвидя поражение стран «оси» в войне, Чиано частично переписал «для истории» дневник и записи своих бесед с иностранными дипломатами, стремясь представить себя последовательным противником союза с Германией, а затем переправил новый вариант для хранения за границу (12). Многие утверждения дневника (в его опубликованном варианте) опровергаются при их перепроверке по более надёжным источникам.

Несколько слов о свидетельствах дипломатов и политиков других стран. Очень много книг такого рода издано в Великобритании, США и Франции, но только некоторые имеют непосредственное отношение к предмету нашего исследования. Мемуары У. Черчилля были попыткой создания масштабного историографического мифа, за что их ещё в 1949 г. убедительно и аргументированно критиковал французский публицист А. Фабре-Люс (13), и послужили образцом для книг его сподвижников, прежде всего А. Идена (лорд Эвон) и А. Дафф-Купера (14). Воспоминания послов в Берлине и Токио Н. Гендерсона и У. Крейги перекрыты публикациями дипломатических документов (15). Книги французских политиков

и дипломатов отмечены преимущественным вниманием к внутренним проблемам; наиболее интересны воспоминания министра иностранных дел Ж. Боннэ и посла в Москве и Берлине Р. Кулондра (16). Важным источником являются мемуары румынского министра иностранных дел и посланника в СССР Г. Гафенку (17). Стандартные «политкорректные» воспоминания о Рузвельте и его политике оставили Р. Шервуд и К. Хэлл (18), но многие их утверждения опровергнуты документами и исследованиями. Несомненную ценность представляет дневник посла США в Японии Дж. Грю за 1932–1942 гг., из которого сам автор в 1943 г. отобрал для публикации около одной десятой общего объёма, дополнив этот текст некоторыми из своих публичных выступлений и докладов в Государственный департамент. Главы о Японии в мемуарах Грю написаны на основе дневника и по сравнению с ним ничего нового не содержат (19). Объективную характеристику внешней политике довоенной Японии и её отношениям с Германией, СССР и США даёт книга американского журналиста В. Флейшера, сочетающая личные наблюдения и анализ событий (20). Ряд интересных эпизодов содержит мемуары американского посла в Риме У. Филиппса (21).

Подробный обзор исследовательской литературы я планирую поместить в будущей монографии, ограничившись здесь характеристикой лишь тех работ, которые считаю заслуживающими внимания.

Одиозность лидеров нацистской Германии и фашистской Италии всё ещё препятствует объективному изучению их политики, в том числе внешней. Здесь преобладают работы «разоблачительно-озно-«оправдательные» сочинения, но их научный уровень, как правило, невысок. Из работ о Гитлере и лидерах Третьего рейха я остановился на капитальных трудах Д. Ирвинга и Д. Толанда, основанных на уникальной документальной базе (22). Однако жизнь, идеи и деятельность И. фон Риббентропа и «отца геополитики» К. Хаусхофера ещё ждут объективного и всестороннего исследования. Дипломатия Муссолини-Чиано накануне и в начале Второй мировой войны тщательно исследована в трудах М. Тоскано (23).

До конца 1980-х гг. в изучении и истолковании советской внешней политики – как в СССР, так и за его пределами – доминировали идеологические схемы, а «перестройка» историографии ещё не обеспечила должного уровня её деидеологизации. Поэтому здесь среди множества работ предпочтение было отдано книгам Л. Фишера и Г. Городецкого; для обоих авторов, при разнице воззрений и методологии, характерны высокая степень свободы от схем, трез-

вость и прагматизм анализа (24). Основное внимание исследователь обоснованно уделяется И. В. Сталину, но деятельность В. М. Молотова, В. П. Потемкина и советских послов также требует более тщательного изучения.

История японской дипломатии предвоенных лет богата хорошо документированными работами, однако они редко содержат глубокий анализ событий: таковы «История внешней политики Японии», написанная коллективом бывших дипломатов, и академическое исследование «Дорога к войне на Тихом океане» (25). Весьма полезными в работе были так называемые «официальные биографии» дипломатов Ё. Мацуока и С. Того и премьер-министра Ф. Коноэ (26), а также исследования Ё. Ока о Ф. Коноэ, К. Бойда о после в Германии Х. Осима, Л. Оутс и Я. Накано о политике германофила С. Накано и несколько сборников статей (27). Деятельность ряда видных дипломатов, включая Х. Арита и М. Сигэмицу, остаётся недостаточно изученной. Сам автор этих строк в настоящее время завершает работу над биографией посла в Италии и влиятельного политического аналитика Т. Сиратори.

Причины и происхождение Второй мировой войны остаются важной и болезненной историографической проблемой. Основные интерпретации событий известны, поэтому укажу лишь, что моя в целом совпадает с концепцией книги А. Тэйлора «Причины Второй мировой войны», но с учётом замечаний Г. Э. Барнеса (28). Вышедшая в 1961 г., книга Тэйлора стала объектом резкой критики за её якобы «германофильский» и едва ли не «пронацистский» характер, хотя её автор был известен как левый либерал и германофоб. Высокой оценки заслуживает и монография Д. Хоггэна, публикация которой в том же 1961 г. вызвала бурю возмущения в официальной историографии Европы и Америки. Хоггэн показал ответственность правящих кругов Чехословакии, Польши и Англии за начало войны в Европе и опроверг тезис об исключительной виновности Германии и Италии. Недостатками книги являются преуменьшение агрессивности политики Германии и тенденциозная трактовка целей и методов советской дипломатии (29). Взгляды историков-ревизионистов на эти события отражены в ряде монографий и в сборнике «Вечная война ради вечного мира» под редакцией Г. Э. Барнеса (30). Трудно согласиться со всеми их выводами, особенно относящимися к политике СССР, но концепции ревизионистов представляются мне более историчными и аргументированными, чем утверждения их оппонентов. Особо следует упомянуть теорию «ледокола» В. Суворова (В. Б. Резуна). Я уже высказался о ней, в том числе о её пропагандистском характере и методологических пороках (31). Однако

вызванная ей дискуссия принесла положительные результаты в виде новых работ, в том числе по проблематике нашего исследования, среди которых высокой оценки заслуживают книги Г. Городецкого и В. А. Невежина (32).

Схожая ситуация наблюдается в историографии причин и происхождения войны на Тихом океане, где наиболее спорными также остаются вопросы об ответственности за войну и истинных намерениях сторон. Эти проблемы многие годы находились в центре внимания историков-ревизионистов, с позицией которых автор настоящей работы в целом солидарен (33).

Перейдем к историографии отдельных событий. Основными этапами так и не завершившегося формирования «континентального блока» стали советско-германские Пакты о ненападении и о дружбе и границе 1939 г., Тройственный пакт Германии, Италии и Японии 1940 г. и советско-японский Пакт о нейтралитете 1941 г. Сближение Москвы и Берлина, завершившееся подписанием Договора о ненападении 23 августа 1939 г., документировано не полностью, но имеющиеся источники позволяют довольно чётко воссоздать ход событий (34). «Пакт Молотова–Риббентропа» с самого момента подписания был объектом острой идеологической борьбы, потому количество объективных работ о нём невелико. Фактическая история его подготовки наиболее тщательно исследована И. Фляйшхауэр и Дж. Робертсом (35), хотя не со всеми их оценками и выводами можно согласиться. Прочие работы, включая сравнительно недавние, уступают им как по документальной базе, так и по объективности анализа – вне зависимости от позиций авторов (36). Документы, относящиеся к Тройственному пакту Японии, Германии и Италии 1940 г., наиболее полно сохранились в японских архивах и в основном опубликованы (37). История его подготовки и заключения подробно изложена в исследованиях Т. Хосоя и М. Миякэ, которые дополняет мемуарно-историческая книга советника МИД Японии Ё. Сайто; прочие работы существенно уступают им (38). Документы по советско-японскому Пакту о нейтралитете из архивов обеих стран также в основном опубликованы, а история его подготовки и заключения реконструирована М. Кудо, Т. Хосоя, Дж. Ленсенем и Б. Н. Славинским (39).

Вопрос о возможности и перспективах присоединения СССР к Тройственному пакту и формирования «пакта четырёх» является центральным в настоящей работе и одновременно наименее изученным. Опубликованные документы и воспоминания позволяют достаточно полно восстановить картину дискуссий по данной проблеме,

прежде всего в ходе переговоров В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. (40). Историография вопроса пока бедна серьёзными работами; заслуживает внимания недавняя полемика Л. А. Безыменского и В. Я. Сиполса (41).

Заканчивая этот краткий обзор, отмечу следующее: 1) несмотря на наличие большого количества документов и материалов почти по всем аспектам проблематики нашего исследования, до сих пор никто не предпринял попытки свести их воедино и дать комплексный анализ соответствующих процессов, происходивших во всех четырёх странах проектировавшейся «оси»; 2) почти все исследования по данной проблематике имеют ярко выраженный идеологический характер, игнорируют геополитические факторы и не свободны от фактических ошибок. Заполнение этой лакуны в истории XX века является главным *raison d'être* настоящей работы.

Характеристика работ о теории «континентального блока», ставшей основой предполагавшейся «оси», будет дана при их рассмотрении в следующей главе.

«РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ДЕРЖАВЫ» И КОНЦЕПЦИЯ «КОНТИНЕНТАЛЬНОГО БЛОКА»

Нет сомнения, что наиболее грандиозным и важным событием в современной мировой политике является перспектива образования могущественного континентального блока, который объединил бы Европу с Севером и Востоком Азии.

Карл Хаусхофер (42)

«Ни одна война не начиналась со столь высокими надеждами и не заканчивалась со столь горьким разочарованием, как Первая мировая» (43), – заметил современный американский историк М. Вебер. Версальский мирный договор, задуманный как гарантия вечного мира, определил не только победителей и побежденных, но виновных и невиновных. Лицемерные моральные оценки договора вызвали у американских либералов – а именно из их среды вышло наибольшее число историков-ревизионистов (44) – не меньший протест, чем у германских националистов, а его территориальные статьи содержали в готовом виде поэтапный сценарий нового конфликта, по крайней мере европейского масштаба (45). Как точно сказал уже после Второй мировой войны английский политик-консерватор А. Рэмзи, «с точки зрения людей, планирующих новую войну, ничего не могло быть лучше такого договора» (46).

В итоге мир разделился на державы status quo и «ревизионистские» державы – иными словами, на довольных и недовольных. США, Великобритания, Франция и только что созданные Польша и Чехословакия стремились сохранить полученное. Но ни побежденную Германию, ни формально победивших, но не получивших желаемое Японию и Италию, а также Россию, бывшего союзника, а затем противника стран Антанты, такой мир не устраивал. Леди

Асквит, жена британского премьера времён войны, пожалуй, была права, когда на вопрос «Где родился Гитлер?» невозмутимо ответила: «В Версале» (47).

За несколько дней до окончания войны в Европе принц Ф. Коноэ, потомок одного из древнейших аристократических родов Японии и самый молодой член палаты пэров, написал статью «Против англо-американского мирового порядка», опубликованную полтора месяца спустя (48). В тридцатые годы её автор трижды возглавлял правительство Японии и был одним из апологетов идеи «континентального блока», поэтому его взгляд на события заслуживает особого внимания.

Коноэ прямо начинает с разделения держав на «имущие» и «неимущие», видя в их противоречиях основную причину минувшей войны: одни быстрее включились в «мировое состязание», другие по разным причинам опоздали. Не слишком оригинально, если вспомнить ленинскую теорию империализма. Читал ли Коноэ Ленина? Вряд ли, но с идеями социализма он был неплохо знаком и одно время даже увлекался ими. Выводы он, однако, делает совсем иного свойства: борьба Германии за «место под солнцем» была справедливой и закономерной, хотя и велась «несправедливыми», «неправильными» средствами. С окончанием войны положение не изменилось, и державы по-прежнему делятся на «имущие» и «неимущие»: первые заинтересованы в сохранении достигнутого в результате войны status quo, но вторые не могут смириться с ним. К последним он отнёс и Японию, которая осталась такой же «неимущей», как и до войны. Целью жизни Коноэ стало уравнивание её положения с более удачливыми соперниками.

Принц направил острей критику на «двойной стандарт» в политике победителей, упрекая их в том, что они используют понятия о справедливости, праве и морали только для оправдания собственных действий. Не отрицая существования этих универсально приемлемых категорий, он отказывал кому бы то ни было в праве на морально-этическую монополию. Коноэ нападал на нынешний «пацифизм» США и Великобритании так же решительно, как и на их прежний «беллицизм», в обоих случаях уличая их в лицемерии. К аналогичным выводам пришел и Н. В. Устрялов: «Ллойд-Джордж и Клемансо не испытали «разочарования в победе»: демократические и гуманитарные основания войны были для них всегда не более, чем добротным предметом национального вывоза» (49). Коноэ требовал действительного равенства возможностей для всех мировых держав, потому что существование неравенства неизбежно приведёт к новой

мировой войне – раньше или позже. Биограф принца Ё. Ока резюмировал: «Мы не знаем, когда и под чьим влиянием Коноэ сформулировал позиции, нашедшие отражение в его эссе. Но убеждения, провозглашённые здесь 27-летним Коноэ, остались практически неизменными. Они особенно важны, потому что продолжали влиять на всю его дальнейшую политическую карьеру» (50).

В этом небольшом тексте следует выделить два положения, принципиально важных для нашей темы. Первое: война закрепила деление мира на державы *status quo* и «ревизионистские» державы; интересы держав внутри каждого из лагерей совпадают. Второе: Япония, обделённая при разделе «трофеев», является «ревизионистской» державой и, следовательно, должна именно среди них искать союзников в борьбе с общим противником – державами *status quo*, в первую очередь США и Великобританией.

В Версале Япония была формально признана «великой державой», получив место постоянного члена Совета Лиги Наций, но, как и Италия, чувствовала себя обидённой, поскольку основные решения принимались без её участия. А через несколько лет на Вашингтонской конференции она уже вступила в открытый дипломатический конфликт с США и Великобританией. «Вашингтонская конференция была полным триумфом американской дипломатии над японской. Практически по каждому пункту, вызывавшему разногласия, американские делегаты одерживали верх над японской делегацией, которая... не могла оправдать японское проникновение на Азиатский материк или хотя бы заставить американцев более мягко отнестись к позиции Японии на Дальнем Востоке» (51). Классик германской геополитики генерал К. Хаусхофер позднее не раз говорил, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии. Полностью согласиться с этим трудно, но оформившийся на них послевоенный мировой порядок – так называемая «версальско-вашингтонская система» – действительно, содержал в себе зерно нового глобального конфликта уже на двух океанах.

Недовольные задумывались о возможных союзниках, довольные – о возможных противниках. В программной работе 1940 г. «Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония» К. Хаусхофер вспоминал о событиях начала века: «Если бы германский и японский флоты сотрудничали с русской сухопутной армией, океанское соглашение (англо-японский союз 1902 г. – *В.М.*) перестало бы быть кабальной по отношению к Англии сделкой, превратившись в равный договор», – такой была позиция прозорливых

японцев, с которыми я беседовал на эту тему (в бытность баварским военным атташе Токио в 1908–1911 гг. – *В. М.*), и на этой позиции они явно стояли и гораздо раньше» (52). Англо-японский договор был не только неравноправен, но имел открыто антирусскую направленность: классический пример союза, где «партнёра» заставляют воевать за чужие интересы. Уже в январе 1905 г. В. Я. Брюсов (подобно Тютчеву, не только поэт, но и геополитик) писал: «Союз Англии с Японией – искусственный и случайный. Англия готова ссужать деньги, чтобы помочь в борьбе со своей вековой соперницей, но, конечно, англичане первые откажутся признать желтокожих одинаковыми с собой существами» (53). Прогноз Брюсова полностью оправдался: в Версале Англия и её доминионы добились невключения в устав Лиги Наций предложенного Японией положения о равенстве рас (54), а англо-японский союз был аннулирован на Вашингтонской конференции. Брюсов ещё в 1899 г. предсказал неотвратимое столкновение России с Англией: «Война Англии с бурами – событие первостепенной исторической важности и для нас, для России, величайшего значения. Только, конечно, наши политики медлят и колеблются и забывают, что рано или поздно нам всё равно предстоит с ней великая борьба на Востоке, борьба не только двух государств, но и двух начал, всё тех же, борющихся уже много веков» (55). «Восток» здесь может означать как Дальний Восток, так и Центральную Азию и Индию – давний объект геополитических устремлений России, а «два начала» – не что иное как «атлантизм» и «евразийство» современной геополитики.

Геополитические итоги русско-японской войны оказались неожиданными. Японская армия продолжала считать главным противником Россию, но флот решительно обозначил в этом качестве Соединённые Штаты. Четыре секретных соглашения, подписанных в 1908–1916 гг. министрами иностранных дел А. П. Извольским и С. Д. Сазоновым с японским послом в Петербурге И. Мотоно, ставшим позднее главой МИД Японии, не только урегулировали основные двусторонние проблемы, но и заложили основы для дальнейшего сотрудничества. В это же время успешно развивается японо-германское сотрудничество, а в 1907 г. Вильгельм II и Николай II заключают известное соглашение в Бьерке. Интересно, что в Японии курс на союз с Германией и с Россией поддерживали одни и те же люди, прежде всего влиятельнейший «японский Бисмарк» Х. Ито, неоднократно занимавший пост премьер-министра, и его ученик и последователь С. Гото.

В 1909 г. отставной американский морской офицер Г. Ли в нашедшей книге «Гордость неведения» предрекал будущий конфликт с Японией на Тихом океане, который закончится трагически для США, если против них выступят и другие державы евразийского континента (56). «В этой книге... можно прочесть, что роковой день, закат богов может настать для мировой англоязычной империи в тот день, когда Германия, Россия и Япония станут союзниками друг друга» (57). Первая мировая развела естественных геополитических союзников по разным лагерям: России, как обоснованно показал, например, А. А. Керсновский, пришлось воевать за чужие, прежде всего за французские интересы, а вступлению Японии в войну на стороне Антанты предшествовала острая борьба внутри политической и военной элиты. После войны главные евразийские державы оказались среди недовольных, и старые идеи снова стали актуальными. В 1921 г. английский аналитик Г. Байуотер, рассматривая перспективы американо-японского конфликта на Тихом океане, с явной тревогой писал: «Некоторые из них (японских военных теоретиков – *В. М.*) зашли настолько далеко, что выступили за германо-русско-японский союз, который, по их мнению, может господствовать над миром. И они продолжали выступать в защиту этой идеи даже после революции и отпадения России (от Антанты – *В. М.*)» (58).

Одновременно эти идеи становились всё более популярными в Веймарской Германии. Здесь рупором прорусских настроений стали «младоконсерваторы» – интеллектуалы консервативно-революционной ориентации во главе с А. Меллером ван ден Бруком и О. Шпенглером. Их более радикальные «соседи» слева (Э. Никиш, Э. Юнгер) дополнили русофильство, присущее германским консерваторам со времён Бисмарка, советофильством, назвав свою идеологию национал-большевизмом. Они призывали к «единству Потсдама и Москвы против Веймара», к сочетанию традиционных прусских ценностей с «большевистским», национальным вариантом социалистической революции в противовес её «коммунистическому», интернациональному варианту (59). Даже молодой Й. Геббельс в 1926 г. писал: «Мы обращаем свои взоры к России, потому что эта страна идёт к социализму по пути, наиболее близкому к нашему. Потому что Россия – это союзник, данный нам самой природой в борьбе против дьявольских искушений и разложения Запада... Союз с подлинно националистической и подлинно социалистической Россией укрепит наши собственные национальные и социалистические позиции и достоинства» (60).

Но и младоконсерваторы, и национал-большевики, и левые национал-социалисты оперировали прежде всего идеологическими и политическими категориями, от которых при необходимости можно было легко отказаться. Однако за союз с Советской Россией выступали и те последователи Бисмарка, для кого идеология на деле мало что значила. Одним из них был К. Хаусхофер, но его влияние было ещё сравнительно невелико. Поэтому главным архитектором советско-германской дружбы 1920-х гг. стал командующий рейхсвером генерал Х. фон Сект. Его отношение к России после Первой мировой войны «трансформировалось в осознание необходимости всестороннего сотрудничества. При этом определяющую роль играли не личные симпатии, а интересы германского государства и его вооружённых сил» (61).

Представитель наиболее консервативных кругов германской элиты, Сект считал большевизм опасной для своей страны «заразой», но сумел взглянуть на положение дел «поверх барьеров» идеологии. «Аналитический ум стратега и политика, объективно и всесторонне оценивавшего сложившуюся ситуацию, подводил его к выводу о необходимости пересмотра германо-российских отношений... Действия стран-победительниц... окончательно утвердили генерала в мысли, что освобождение Германии от экономического бремени и политических оков возможно только во взаимодействии с Россией... Он понимал, что Россия заинтересована в укреплении своих политических связей с Германией» (62).

Уже в 1919 г. Сект налаживал тайные контакты с большевистским эмиссаром К. Радеком. В феврале 1920 г. генерал писал: «Только в тесном союзе с Великороссией (РСФСР – *В.М.*) Германия имеет виды на восстановление своих позиций мировой державы... Поскольку объединение одинаково хорошо отвечает и русским, и немецким интересам, то в один из дней оно произойдёт в силу законов природы... Нравится ли нам новая Россия с её внутренним устройством или нет – это сейчас не играет роли... Теперь надо смириться с Советской Россией – иного выбора у нас нет».

В июне того же года Сект был назначен командующим рейхсвером (с ноября 1919 г. он возглавлял Войсковое управление, которое заменило формально упразднённый Генеральный штаб). Сект являлся самым могущественным проводником прорусской линии в германской политике, поскольку его авторитет превосходил влияние не только постоянно менявшихся канцлеров и министров, но и самого президента Ф. Эберта. Генерал полностью поддержал Рапалльский договор с РСФСР, заключённый 16 апреля 1922 г. во

время Генуэзской конференции. Событие стало «знаковым» для отношений двух стран и для всей истории «континентального блока»: геополитические союзники объединились перед лицом общего врага. Сект понимал, что «русская игра будет непростой и небезопасной», но выступил за развертывание полномасштабного военного сотрудничества двух стран, видя в этом залог укрепления национальной безопасности Германии.

«Рапальский этап» советско-германских отношений хорошо известен, поэтому подробно останавливаться на нём мы не будем. Упомяну только один принципиально важный тезис Секта из его меморандума от 11 сентября 1922 г. о военном сотрудничестве с Москвой: «Восстановление протяженной границы между Россией и Германией является предпосылкой двухстороннего усиления... Существование Польши несовместимо с выживанием Германии. Она должна исчезнуть и исчезнет благодаря своей внутренней слабости и с помощью России – при нашем содействии». Территориальное разделение немцев и русских в Версале было осуществлено не без участия английских геополитиков по главе с Х. Макиндером, который считал любое объединение сил двух стран недопустимым для интересов Британской империи и её союзников (63). Поэтому его главный оппонент Хаусхофер назвал Рапальский договор – надо полагать, не без злорадства – «грандиозным разочарованием для Макиндера и его школы» (64).

Советско-германское сотрудничество развивалось полным ходом и не было омрачено никакими серьёзными противоречиями или конфликтами. Казалось, что одна составляющая «оси» уже сложилась, но с приходом нацистов к власти ситуация начала радикально меняться. Для Гитлера Москва стала главным врагом: геополитическим как препятствие «древнему тевтонскому пути на Восток» и идеологическим как центр мирового коммунизма и мирового еврейства. Эти идеи усиленно поддерживал и развивал глава внешнеполитического отдела НСДАП А. Розенберг, русофоб из балтийских немцев (65). Давали знать о себе и англофильские взгляды, усвоенные Гитлером ещё в юности.

Афишируя при любом удобном случае свою враждебность к «Коминтерну», Гитлер тем не менее считал необходимым сразу же подтвердить верность Германии основным договорам с СССР – возможно, чтобы не усугублять растущей дипломатической изоляции новорожденного Рейха. Однако десять с лишним лет продуктивного сотрудничества не могли пройти бесследно. Весной 1933 г. Н.В. Устрялов писал: «База мирных и даже дружественных герма-

но-советских отношений обусловлена вескими объективными факторами, экономическими и политическими. Не так легко эти факторы изменить и эту базу разрушить» (66). Тогда же Сект заявил, что «между двумя странами нет никаких противоречий – будь то на географической, исторической или расовой основе». Генерал отклонил предложение Гитлера о возвращении на военную службу, а в политическом и военном завещании, адресованном лично фюреру, снова убеждал его в необходимости союза с Россией. Точной даты составления этого документа мы не знаем, но на момент скоропостижной смерти генерала в конце декабря 1936 г., через месяц после заключения Антикоминтерновского пакта, у него было немного шансов быть услышанным. Однако Сект был не одинок. В двадцатые годы его активно поддерживали германский посол в Москве граф У. Брокдорф-Ранцау, завязавший дружеские отношения с Г. В. Чичериным, и К. Хаусхофер, приобретающий всё большее влияние. Именно он стал ведущим теоретиком и пропагандистом идеи «континентального блока» в тридцатые годы.

История близких, хотя и драматичных отношений Хаусхофера с рядом нацистских лидеров достаточно известна. Р. Гесс был его аспирантом и относился к учителю с глубоким уважением, на которое тот отвечал искренней симпатией. Гесс познакомил Хаусхофера с Гитлером, который отнесся к генералу-профессору с интересом, но сугубо прагматически. Хаусхофер в свою очередь не обольщался на счёт нового знакомого, но одним из первых оценил его потенциал лидера (67). Много позже старший сын генерала Альбрехт спросил отца, почему тот поддерживает нацистов. «Будем учить наших хозяев»,— ответил Хаусхофер (68). Убеждённого и активного единомышленника он нашел в лице Риббентропа. Отвечая после войны на вопросы американских разведчиков о своих отношениях с рейхсминистром иностранных дел, он сказал, что «учил его читать карты». «Что вы имеете в виду под чтением карт?»,— переспросил один из допрашивавших. Хаусхофер сухо, но внушительно ответил: «Я учил его базовым политическим принципам» (69).

Вышедшая в 1913 г. книга «Дай Нихон. Об армии, обороноспособности, позиции на мировой арене и будущем Великой Японии» принесла Хаусхоферу репутацию знатока тихоокеанских проблем. В ней он заговорил об общности интересов Японии, России и Центральной Европы (Германии) как единственного блока, способного противостоять мировой англо-саксонской гегемонии (70). В классическом труде «Геополитика Тихого океана» (1924) он чётко сформулировал теорию «континентального блока» – «евразийской

континентальной организации от Рейна до Амура и Янцзы» (71). В двадцатые годы Хаусхофер пропагандировал идею «азиатского альянса» Германии, России, Китая, Японии и Индии, но с обострением японо-китайских отношений в следующем десятилетии решительно «поставил» на Японию, считая её более перспективным союзником. С его именем связана первая попытка японско-германского сближения при нацистском режиме: приватная беседа Р. Гесса с японским военно-морским атташе контр-адмиралом Ё. Эндо дома у Хаусхофера 7 апреля 1934 г. Она не дала практических результатов, но Хаусхофер «в своих неопубликованных записях описал эту встречу как первый шаг на пути к Антикоминтерновскому пакту, который страны заключили в ноябре 1936 г.» (72).

Многие идеи и высказывания Хаусхофера были весьма нетипичны для его времени. Отстаивая приоритет геополитических интересов, он игнорировал столь важные для нацистов идеологические факторы: расовый в отношении Японии (здесь его союзником оказался А. Розенберг) и классовый в отношении СССР. Как и Сект, он был противником коммунизма, но подчёркивал, что «в мировой политике нет места расовым предрассудкам» (73). В двадцатые годы Хаусхофер и его журнал «*Zeitschrift für Geopolitik*» постоянно призывали к тесному сотрудничеству с Россией, видя в ней наиболее перспективного союзника в борьбе за освобождение от Версальского «диктата»: «Ни одна страна не стоит ближе к России, чем Германия; только Германия способна понять русскую душу; Германия и Россия были друзьями много столетий; их экономические структуры взаимно дополняют друг друга; они должны идти вместе» (74). В этих строках заметно влияние публицистической манеры Меллера ван ден Брука или Шпенглера, но подобные призывы из номера в номер подкреплялись беспристрастной логикой геополитического анализа. После прихода нацистов к власти пришлось стать сдержаннее в выражениях, но линия «школы Хаусхофера» осталась неизменной. Её звездный час наступил только после «поворота к Москве» в августе 1939 г.

На протяжении всего межвоенного периода Хаусхофер, по словам бывшего редактора его журнала К. Фовинкеля, «по-прежнему ощущал себя тесно связанным с Японией» (75). Считая, что центр мировой истории переносится на Тихий океан, он никогда не оставлял этот регион без внимания и лично писал ежемесячные обозрения ситуации на Дальнем Востоке, внимательно следя за информацией оттуда. Поэтому он особенно дорожил корреспондентами на местах, среди которых видное место занимал Р. Зорге, пуб-

ликовавший в 1933–1939 гг. в «Zeitschrift für Geopolitik» восемь больших статей (76). Хаусхофер никогда не правил рукописи Зорге, что говорит как об их высокой оценке, так и о согласии с их положениями и выводами (77).

Главной целью Зорге как журналиста, геополитика и разведчика было предотвращение войны между СССР и Германией, с одной стороны, и СССР и Японией, с другой. Как коммунист он мог испытывать сомнения относительно *союза* Советской России и нацистской Германии, однако в необходимости благожелательного нейтралитета и экономического сотрудничества между ними он не сомневался никогда. Зорге был патриотом России и Советского Союза, с которым связывал надежды на лучшее будущее человечества. Но в то же время он был патриотом Германии и по-своему любил Японию. Он понимал, что в советско-германском, как и в советско-японском, конфликте более всего заинтересованы США и Великобритания, стремившиеся к взаимному уничтожению или хотя бы ослаблению своих геополитических противников. Высоко оценивая потенциал японской и германской армии в своих работах (а также советской – в разговорах с влиятельными лицами в Японии), он всегда проводил мысль о губительности «внутриевразийского» конфликта.

В работах 1930-х гг. о японской армии и её политической и социальной роли Зорге не уставал подчёркивать традиционно прогерманскую ориентацию военной элиты, часть которой с симпатией восприняла идеи национал-социализма. Так, в статье 1935 г. «Японские вооруженные силы», написанной в самом начале военно-политического сближения двух стран, он писал: «Среди всех стран Германия – единственная, к которой японские вооруженные силы демонстрируют положительное отношение, заслуживающее название сердечного. Здесь они идут намного дальше, чем японские официальные круги... Военные круги, работающие над социальными и национальными реформами в Японии, уже переняли, а частично ещё продолжают изучать важные принципы национального обновления сегодняшней Германии. Иногда можно даже встретить открытое признание этого факта – очень редкое и радостное явление в современном мире» (78). Как раз в это время японский военный атташе в Германии генерал-майор Х. Осима и японский посланник в Швеции Т. Сиратори начали конфиденциальные переговоры с Риббентропом о военно-политическом сотрудничестве двух стран (79). Зорге был в курсе дел, благодаря своему другу генерал-майору Э. Отту, германскому военному атташе в Токио. Запомним этих

людей – именно они сыграли ключевую роль в процессе складывания континентального блока.

Итогом переговоров стало подписание Антикоминтерновского пакта (25 ноября 1936 г.), который противники называли «военным союзом агрессивных держав». Однако нельзя не заметить неконкретности его формулировок и ограниченности взаимных обязательств сторон, которым Пакт предписывал обмениваться информацией о деятельности Коминтерна, сотрудничать в деле борьбы с ним и консультироваться о принятии мер, никак не определяя форм и методов этой борьбы. Секретный дополнительный протокол всего лишь обязывал не заключать никаких соглашений с СССР без ведома партнёра; «в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется *неспровоцированному нападению* (курсив мой – В.М.) со стороны СССР или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения СССР» (80). Здесь отсутствуют обязательства о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей страной, на чём были основаны советско-французский (2 мая 1935 г.) и советско-чехословацкий (16 мая 1935 г.) договоры, трактовавшиеся как закономерная превентивная мера против германской агрессии. В качестве оборонительного союза Антикоминтерновский пакт выглядел «протоколом о намерениях», но не программой действий.

Пакт был направлен прежде всего против СССР. В тот момент обе стороны имели все основания считать Советский Союз главным политическим и военным противником, непосредственно угрожавшим их безопасности и дальнейшей экспансии. «Развитие Советского государства расценивается японскими сухопутными силами как очень серьёзная опасность. В мировой революции усматривают рост хозяйственной и военной мощи, становящейся всё более значительной». Однако афишировать направленность пакта против СССР как государства ни Германия, ни Япония не могли – это грозило серьёзными экономическими и дипломатическими осложнениями. Кроме того Риббентроп перед подписанием пакта направил японскому послу в Германии К. Мусякодзи секретную ноту с заявлением, что заключённые ранее и остающиеся в силе советско-германские договоры, начиная с Рапальского, не противоречат Антикоминтерновскому пакту и будут существовать параллельно с ним (81). Иными словами, он оставил Берлину «запасной выход», пригодившийся в 1939 г.

В Японии идея континентального блока оформилась много позже. Успешно складывавшиеся отношения с Россией были превращены большевистской революцией. Япония не признала новую власть и приняла участие в интервенции на Дальнем Востоке, однако уже в 1921 г. была вынуждена начать переговоры о нормализации отношений с ДВР, а затем и с РСФСР. Долгий и сложный процесс завершился подписанием 20 января 1925 г. в Пекине Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией (82). Историк японской дипломатии М. Кадзима так оценил значение этих переговоров: «Ничто не может иллюстрировать политическую философию Японии и её практическую стратегию в международных делах лучше, чем дипломатические маневры по отношению к России между 1921 и 1925 годами» (83). Отношения двух стран до весны 1932 г. можно определить как деловое партнёрство, не омрачённое ни одним серьёзным конфликтом (84). Замечу, что японо-германские отношения, восстановленные ещё в 1919 г., в эти годы оставались гораздо более далекими (85). Даже в критические месяцы осени–зимы 1931–1932 гг., на первом этапе «Маньчжурского инцидента», СССР – в отличие от США и держав Лиги Наций – проводил политику нейтралитета и воздерживался от антияпонских акций (86). Однако в течение 1932 г. ситуация переменилась к худшему, что наглядно показал отказ Токио от советского предложения заключить двусторонний пакт о ненападении.

Сторонников *политического* сотрудничества с Москвой в Японии было сравнительно немного. До своей смерти в 1927 г. его пропагандировал известный русофил С. Гото, немало способствовавший нормализации и развитию отношений двух стран. Его взгляды разделял посол в СССР К. Хирота, который в мае 1932 г. говорил своему германскому коллеге Г. фон Дирксену о необходимости японо-германского сотрудничества с непременным привлечением к нему России. Дирксен идею одобрил, но указал на напряжённость между СССР и Японией, которая в данной ситуации делает этот план неосуществимым (87). Он сразу же сообщил о разговоре в Берлин, но там к сказанному отнеслись скептически: не исключая в принципе возможных положительных перспектив союза трёх держав, его сочли делом отдалённого будущего (88). Сторонником союза с Россией был влиятельный адмирал К. Като, установивший, несмотря на свою репутацию милитариста, дружеские отношения с полпредом А. А. Трояновским. 12 августа 1932 г. в разговоре с советником полпредства И. И. Спильванекем авторитетный специалист по «советским делам» журналист К. Фусэ произнёс примеча-

тельные слова: «*Наше* счастье (курсив мой – *В. М.*), что Трояновский умеет хорошо играть на противоречиях флота с армией» (89). В мире партийной политики «просоветскими» (но не прокоммунистическими!) симпатиями был известен правый радикал-популист С. Накано, которого противники издевательски называли «товарищем» (по-русски) и обвиняли в получении денег из СССР. К концу 1930-х гг. Накано стал германофилом и сторонником национал-социализма, оказавшись в числе апологетов «континентального блока» (90).

Главным противником сближения с Москвой была армия, которую поддерживали радикальные националисты из числа политиков и дипломатов. В 1932–1934 гг. военный министр генерал С. Араки не сомневался в успехе локальной войны против СССР, хотя возможно, что армейское руководство только использовало толки о «советской угрозе» для укрепления собственной власти путём увеличения военных расходов и манипулирования общественным мнением (91). Порой «большая война» казалась неминуемой, но каждый раз её удавалось избежать.

Впрочем наиболее дальновидные из «горячих голов» руководствовались не идеологическими, а геополитическими соображениями и адекватно реагировали на изменения ситуации. Наиболее показателен пример Т. Сиратори, первым в Японии выдвинувшего идею континентального союза трёх держав (92). С осени 1930 г. он возглавлял Департамент информации МИД и имел хорошие связи в военных и политических кругах радикально-националистической ориентации. Выступая против любых договоров с «большевиками», он, во-первых, полагал, что советский режим слаб и рухнет от первого сильного удара извне, а во-вторых, видел во внешней политике СССР только продолжение враждебного Японии экспансионистского курса дореволюционной России. Высказывания Сиратори не раз вызвали дипломатические осложнения, а сам он превратился в одиозную фигуру; при очередной кадровой перестановке летом 1933 г. он был отправлен посланником в Швецию, где провёл три года, успев неофициально поучаствовать в подготовке Антиконтинентального пакта.

«Советская проблема» продолжала занимать Сиратори, и в ноябре 1935 г. он изложил свой взгляд на нее в двух частных письмах к Х. Арита, послу в Бельгии и будущему министру иностранных дел (93). Главной задачей японской дипломатии он считал окончательное устранение иностранных влияний из Маньчжурии и Китая, а главным препятствием к этому – экспансионистскую политику

СССР. Пока Советский Союз не готов к эффективной войне, Сиратори предлагал немедленно и решительно потребовать демилитаризации Владивостока, Забайкалья и Внешней Монголии (МНР), а также уступок в вопросах рыболовства и лесных концессий, чтобы в дальнейшем перейти к покупке Приморья и Северного Сахалина. В случае отказа предлагалось пойти на разрыв отношений с Москвой и даже на локальные военные действия. Сиратори утверждал, что славяне и «раса Ямато» обречены на столкновение в борьбе за Дальний Восток и что проблема не исчерпывается настоящим положением дел или конкретной формой власти в России, т.е. он страшился не «коммунистической угрозы», а геополитического противника с неплохими перспективами роста.

Агрессивные призывы не получили поддержки ни в правительстве, ни в МИД, поэтому после возвращения в Токио в декабре 1936 г. Сиратори полтора года оставался «посланником в резерве», отстраненным от реальной работы. Одним из первых кадровых японских дипломатов он стал выступать в печати как независимый аналитик-политолог, хотя его коллеги, находясь на действительной службе, предпочитали не высказывать свое частное мнение по международным вопросам, поскольку это могло выглядеть как нарушение субординации или профессиональной этики. Сиратори выступал за активизацию «континентальной политики» и расширение экспансии в Китае, за борьбу с коммунизмом и объединение Азии против «белого империализма», став кумиром молодых радикалов. Осенью 1938 г. Сиратори и Осима были назначены послами соответственно в Рим и Берлин и сосредоточили усилия на «укреплении» Антикоминтерновского пакта, стремясь превратить его в полноценный союз с конкретными взаимными обязательствами военного и политического характера. Однако им так и не удалось добиться согласия японского правительства, предпочитавшего «политику проволочек», в результате чего Гитлер и Муссолини разуварились в возможности реального партнёрства с Токио. Итогом разуварения стал советско-германский пакт о ненападении, подписание которого вызвало в Японии тяжелейший политический шок.

Ещё 20 апреля 1939 г., на приеме в рейхсканцелярии по случаю пятидесятилетия Гитлера, Риббентроп сказал Сиратори и Осима о возможности нормализации отношений с СССР вплоть до заключения пакта о ненападении. Сиратори, единственный, кто воспринял сказанное всерьёз, немедленно сообщил об этом в МИД, но реакции не последовало – никто не поверил в возможность такого «поворота». Когда его предостережения сбылись, он немедленно

подал в отставку. С этого момента заклятый враг Советского Союза стал ярким сторонником «континентального блока», мотивируя необходимость его создания единством глобальных, геополитических интересов всех будущих участников.

Сиратори можно отнести к «специфически политическим мыслителям», как называл себя немецкий юрист и философ К. Шмитт. Шмитт абсолютизировал Политику, в основу которой положил оппозицию «друг–враг», утверждая, что все остальные или ложны, или лицемерны. Он призывал не искать врагов, но чётко определять их и исходя из этого находить союзников. Считая врагом СССР, Сиратори не менее враждебно относился и к «западным демократиям». В 1937–1938 гг. он пришел к выводу, что основой политических процессов завтрашнего дня станет противоборство «тоталитаризма» («ниппонизм», фашизм и национал-социализм) и коммунизма, а их общие враги – демократия и либерализм – безнадежно устарели и обречены на поражение (94). Понимание того, что у тоталитаризма и коммунизма общие враги, в изменившихся реалиях позволило Сиратори осознать единство интересов Японии, Германии и Италии, с одной стороны, и Советского Союза, с другой, уже на ином уровне – как геополитически «молодых» и «неимущих» стран в борьбе против «дряхлахых» держав status quo.

Ещё в 1935 г. с идеей такого союза, основанного на геополитических, а не на идеологических факторах, выступил М. Рояма (95), но тогда в японской политической философии безраздельно господствовал «паназиатизм» или «регионализм», ставивший во главу угла доминирование Японии в Азии и достижение азиатского единства против «белых». «Регионалисты» разработали концепции «Восточноазиатского содружества» и «Сферы процветания Великой Восточной Азии», но «великое противостояние» конца 1930-х гг. неизбежно придало им глобальный характер. И в этой связи надо вспомнить принца Ф. Коноэ, который к середине 1930-х гг. стал одним из наиболее влиятельных японских политиков. Основные «регионалистские» концепции создавались во время пребывания у власти первого кабинета Коноэ (июнь 1937 – январь 1939 гг.), под патронажем и при непосредственном участии премьера. Затрагивая интересы США, Великобритании и СССР, эти экспансионистские проекты делали конфликт с ними неизбежным (96). Правящая элита Японии предпочла «южный вариант», предполагавший столкновение с Великобританией, Францией и Нидерландами и – в перспективе – с США. Для обеспечения экспансии второй и третий кабинеты Коноэ (июль 1940 – октябрь 1941 гг.) выбрали курс на военно-

политический союз с Германией, нейтралитет и партнерство с СССР и посильное не-обострение отношений с США. Именно тогда Токио прилагал наиболее интенсивные усилия для создания «континентального блока».

Бытование идеи «континентального блока» в России по многим причинам остается малоизученным, равно как и сама история русской геополитической мысли. Основоположник русской школы геополитики генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин отстаивал «континентальную» политику в Центральной Азии, европейский фланг которой «надёжно обеспечивал российско-германский союз». Единомышленники Милютина добились восстановления союза с Германией при Николае II и выступали против его дальневосточной политики (теория «Желтороссии»), приведшей к конфликту с Японией и к поражению в русско-японской войне (97). Продолжателем его дела генерал А. Е. Снесарев, выдающийся теоретик и практик геополитики, поддерживал сотрудничество РККА и рейхсвера, поскольку видел в Германии естественного и наиболее перспективного союзника против Британской империи, которую русские геополитики всегда считали главным врагом. Многолетняя научная и педагогическая деятельность Снесарева принесла ему международное признание. Однако судьба геополитики в СССР оказалась трагической: пережив идеологический разгром и запрещение в качестве «фашистской буржуазной лженауки» и «орудия германского империализма» в 1934 г., она существовала полуподпольно, в военных академиях и под другим названием, но продолжала оказывать влияние как на развитие военно-политической мысли, так и на текущую политику. Постановка вопроса «Сталин как геополитик» сейчас уже вряд ли кого-то удивит, хотя его изучение только начинается (98).

Однако разгром теоретической геополитики в СССР не означал её смерти. В 1920–1930-е гг. русская геополитика продуктивно развивалась в эмиграции, особенно в рамках евразийства и сменовеховства. К её «золотому фонду» относятся труды П. Н. Савицкого («Геополитические заметки по русской истории») и Г. В. Вернадского («Начертание русской истории»), удачно сочетавшие оригинальную континенталистскую идеологию с использованием методологии и инструментария европейской геополитики, прежде всего школы Хаусхофера (99). Вот один только характерный пример сугубо евразийской трактовки важнейшей геополитической проблемы – противостояния суши и моря: «На пространстве всемирной истории *западноевропейскому ощущению моря*, как равноправное, хотя и полярное, противопоставит единственно *монгольское ощущение*

континента (курсив П.Н. Савицкого – В.М.)» (100). Проблема взаимоотношений «леса и степи», разработанная Савицким и его учеником Л.Н. Гумилёвым, – ключ ко многим как историческим, так и актуально-геополитическим проблемам.

И для евразийцев, и для сменовеховцев было характерно предпочтение политических факторов идеологическим, что и привело их к хотя бы частичному «признанию» большевистской революции. Идеолог сменовеховства Ю.В. Ключников в 1921 г. писал: «Нельзя бороться за Россию и её великое мировое место, не будучи вместе с русской интеллигенцией и русской революцией» (101). Следующие строки Н.В. Устрялова не оставляют никаких сомнений в сугубо геополитическом понимании им происходящего: «Россия должна остаться великой державой, великим государством... И так как власть революции – и теперь только она одна – способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России – наш долг во имя русской культуры признать её политический авторитет... Глубоко ошибается тот, кто считает территорию «мертвым элементом» государства, индифферентным его душе. Я готов утверждать скорее обратное: именно территория есть наиболее существенная и ценная часть государственной души, несмотря на свой кажущийся «грубо физический» характер. Помню, ещё в 1916 г., отстаивая в московской прессе идеологию русского империализма от наплыва упадочных вильсоновских настроений, я старался доказать «мистическую» в корне, но в то же время вполне осязательную связь между государственной территорией как главнейшим фактором внешней мощи государства и государственной культурой как его внутреннею мощью. Эту связь я ещё отчетливее усматриваю и теперь» (102). На страницах того же сборника «Смена вех» Ю.В. Потехин прямо откликнулся на деятельность А.Е. Снесарева: «Проходит пора, когда Россия служила целям III Интернационала; III Интернационал начинает быть сильным орудием в достижении *национальных* (курсив мой – В.М.) целей России... Русское влияние в Малой Азии, Персии, а отчасти и в Индии, русская радиостанция и русские военные инструкторы на «крыше света» в Афганистане – реальный факт, крупное историческое достижение России» (103).

Сталин прочитал «Смену вех» сразу после выхода книги – надо полагать, внимательно. Очевидно, был он знаком и с работами, или по крайней мере с идеями, ведущих евразийцев. Вопрос о том, насколько глубоким было влияние обоих течений на советскую идеологию, политику и геополитику, остается открытым, но сам

факт этого влияния несомненен. И евразийцы, и сменовеховцы надеялись и ждали, что большевики позвуют их разделить с ними власть и управление страной; многие стали возвращаться сами, не дожидаясь призыва. Судьбы вернувшихся были, как правило, трагическими, и только некоторым удалось найти себе место в новой системе ценой разрыва с прошлым. Однако многие идеи евразийцев и сменовеховцев, отлученные от своих создателей, оказались успешно «вмонтированными» в советскую идеологию и политику.

К концу 1930-х гг. во всех трёх странах – Германии, Японии и СССР – сложились несомненные предпосылки для создания «континентального блока», включая осознание, по крайней мере частью элиты, общности их геополитических интересов, приоритетности геополитических факторов перед идеологическими и наличия общего врага. Эти теоретические наработки, более всего развитые в Германии, сочетались с наличием в интеллектуальных и политических элитах всех трёх стран своего рода «континентального лобби», которое могло выступить ведущей силой будущего объединения.

Что касается Италии, то ей изначально была уготована роль младшего, неравноправного партнера. Н.В. Устрялов ещё в 1928 г. писал: «В концерте великих держав Италия всё же неспособна на первые роли» (104). История подтвердила правоту этого вывода, хотя Муссолини поначалу видел в Гитлере не более чем своего ученика. До сближения с Берлином он проводил традиционную, сбалансированную внешнюю политику, считаясь с реакцией держав и прислушиваясь к своим дипломатам. Но даже опьянённый успехами Гитлера, Муссолини до последнего момента старался избежать участия в европейской войне, понимая как слабость Италии, так и её полное подчинение глобальной стратегии Германии. Это не означает, что роль «итальянского фактора» может быть проигнорирована, но его подробное исследование мы отложим до будущей монографии.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ КАК ЧЕТВЁРТЫЙ СОЮЗНИК: РИББЕНТРОП В МОСКВЕ, МОЛОТОВ В БЕРЛИНЕ

Общие геополитические интересы – это мощные узы, и они неумолимо влекли старых врагов, Гитлера и Сталина, друг к другу.

Генри Киссинджер (105)

Весной 1939 г. Гитлер окончательно убедился, что от Польши не удастся добиться мирного удовлетворения его требований – логичных и естественных для Германии, но несовместимых с амбициями «пилсудчиков» – о возвращении Данцига в Рейх и об изменении режима «Польского коридора». Воинственные речи польских лидеров и антигерманский тон прессы свидетельствовали о невозможности компромисса. Общественное мнение Европы не симпатизировало Германии, и нереальность «нового Мюнхена», т.е. выхода из кризиса путём переговоров, становилась очевидной, особенно после английских «гарантий» Польше 31 марта, которые Г. Городецкий справедливо назвал «первым залпом Второй мировой войны» (106). Тогда Гитлер решил одним ударом покончить с «польской проблемой» и стереть с карты Европы ещё одного «версальского ублюдка» (первым была Чехословакия), понимая, что мирное сосуществование с ним невозможно. Но его целью было избежать европейской войны с участием Англии, Франции и СССР, которая в таком случае неизбежно превращалась в мировую. Не прекращая зондажей на Западе, особенно в Лондоне, Гитлер в конечном итоге сделал ставку на улучшение отношений с СССР – трудное предприятие с непредсказуемым результатом, которое однако могло завершиться быст-

рым принятием решения со стороны Сталина, обладавшего, как и сам фюрер, неограниченной властью. Не будем сейчас вдаваться в разрешение сложного вопроса, кто именно решил воскресить «дوخ Рапалло». Бесспорно одно: обе стороны оказались готовы к этому.

«Пакт Молотова-Риббентропа» остается предметом историографических дискуссий, до сих пор отмеченных сильным влиянием идеологии. В его оценках преобладает идеологическое морализирование: «отклонение от принципов ленинской внешней политики», «коварство большевиков», «вероломство русской природы», «сговор диктаторов» или «родство тоталитарных идеологий». За этим как-то потерялось геополитическое значение Пакта, заключённого естественными союзниками, несмотря на все идеологические расхождения и период взаимной вражды. Оперативное принятие столь важных решений обоими лидерами и последовавшая за этим моментальная переориентация пропаганды наглядно показали вторичность идеологических и даже конкретно-политических факторов по сравнению с геополитическими.

Именно геополитика дает ключ к наиболее адекватному пониманию того документа, который был подписан в Москве около двух часов утра 24 августа 1939 г. В геополитическом контексте Пакт стал первым реальным шагом к формированию «континентального блока». Можно сомневаться в предсмертном признании Риббентропа: «Искать компромисса с Россией было моей сокровенной идеей» (107), – но о том же свидетельствовал и недоброжелательно относившийся к нему французский посол в Берлине Р. Кулондр: союз с Россией стал «навязчивой идеей, над воплощением которой Риббентроп начал работать неумоимо, с упорством фанатика», веря, что «согласованные германо-советские действия позволят Рейху нанести смертельный удар могуществу Британской империи» (108). Посол не ошибся, увидев в сближении вчерашних врагов прежде всего геополитическую, а не идейную подоплеку. Столь же откровенно обнаружил свою позицию и Хаусхофер: «Никогда больше Германия и Россия не должны подвергаться опасности геополитические основы своих пространств из-за идеологических конфликтов» (109).

Лично Гитлер и Сталин так и не поверили друг другу, в первую очередь из-за долгого и непримиримого идеологического противостояния. Оба были уверены в неискоренимости взаимной враждебности и видели в пакте не союз, но гарантию временной передышки, способ выиграть время для достижения ближайших тактических целей. Гитлер добился благожелательного нейтралитета СССР на время

польской кампании и избежал англо-франко-советского «окружения» – но не войны с первыми двумя, как всё-таки надеялся. Однако следует согласиться с Д. Ю. Далиным, что «главным препятствием на пути германо-русского сближения» (110) был именно Гитлер.

Соотношение идеологического и политического компонентов в процессе принятия им решений остается предметом дискуссий. «Неверно было бы считать, что во внешней политике Гитлера отсутствовала идеологическая составляющая, но она подчинялась неизменным геополитическим соображениям и меняющимся политическим обстоятельствам... Идейные убеждения вышли на первый план после того, как было принято решение по «Барбароссе», и в значительной степени отвратили Гитлера от более рациональной стратегической политики, которая до тех пор характеризовала его военное руководство» (111). Нельзя сбрасывать со счетов и другой фактор. Гитлером руководили личные симпатии и антипатии его юности, во многом иррациональные и не основанные на геополитическом расчете, но объяснимые и типичные для «пассионарного» и не слишком образованного австрийского аутодидакта начала века. Именно тогда он начал мечтать – и мечтал всю жизнь – о союзе с Англией, о лишении Франции лидерства в Европе и о завоевании «жизненного пространства» на славянском Востоке. Поколебать эти убеждения не смогли никакие силы или события. Гитлер определял внешнюю политику единолично, редко прислушиваясь к профессионалам и игнорируя мнения несогласных. Он позволял влиять на себя, когда это не противоречило его намерениям, но неизменно оставлял последнее слово за собой.

Внешняя политика Сталина, об основах и мотивах которой до сих пор также идут споры, имела несколько иной характер. Велико искушение видеть в ней *grand design*, существовавший с середины или даже начала двадцатых и последовательно осуществлявшийся на протяжении нескольких десятилетий, как это делают В. Б. Резун и его сторонники, следуя пропагандистским стереотипам «холодной войны». Однако эта теория, породившая немало сомнительных «сенсаций», многократно опровергалась как документальными публикациями, так и исследованиями. То же можно сказать и о расхожих утверждениях типа «Сталин – фанатик мировой революции» и тем более «Сталин – параноик». Ограничусь мнением авторов, которых считаю наиболее компетентными в данном вопросе и которых нельзя заподозрить даже в малейших симпатиях к Сталину. «В международных отношениях он был величайшим реалистом, трезвым и безжалостным Ришелье своего времени» (Г. Киссинджер) (113).

«В своей внешней политике Сталин не руководствовался сентиментами или идеологическими пристрастиями... Сталинская политика выглядит рациональной и взвешенной – беспринципной *Realpolitik*, подчинённой чётко определённым геополитическим интересам» (Г. Городецкий) (114). «Числить Сталина приверженцем идеи “мировой революции” или, выражаясь словами Д. А. Волкогонова, лидером, руководствующимся “коминтерновским мышлением”, – верх нелепости... “Революционаризм” Сталина – легенда, порождённая сталинской историографией и поддержанная антикоммунистической пропагандой» (М. Г. Николаев) (115).

В результате Пакта Сталин получил гарантии – хотя бы временные – от германской агрессии и опасности «капиталистического окружения» (которого не переставал бояться!), а также возможность удовлетворить территориальные претензии к Польше, приблизившись к границам бывшей Российской империи, и нанести решающий удар Японии на Халхин-Голе, точно зная, что ей никто не придёт на помощь. Однако значение Пакта не исчерпывается удовлетворением тех или иных сиюминутных амбиций диктаторов. Последовавшие за ним события показали не только возможность, но целесообразность геополитического и геостратегического партнерства, не стесняемого идеологическими рамками, которые противоречили глобальным интересам государств. Пакт вывел СССР из состояния открытой международной изоляции, в котором он находился со времени Мюнхенской конференции, а приезд германского министра был первым за много лет визитом в Москву иностранного политика такого ранга. Ещё более впечатляющей и результативной стратегией было персональное обращение Гитлера к Сталину 21 августа: «Это послание стало вехой в мировой истории – оно отметило момент, когда Советская Россия возвратилась в Европу как великая держава. До того ни один европейский государственный деятель не обращался к Сталину лично. Западные лидеры относились к нему так, как будто он был далёким, да к тому же малозначительным бухарским эмиром. Теперь Гитлер признал в нём правителя великой страны» (116).

Неожиданный *volte-face* сразу двух вождей вызвал взрыв негодования и злости в большинстве столиц, хоть и по разным причинам. Никто до последнего не хотел верить в то, что непримиримые *идеологические* враги смогут договориться. Но, как не без некоторого злорадства сказал В. М. Молотов, выступая на внеочередной сессии Верховного совета СССР, созванной 31 августа для ратификации договора: «Вчера ещё фашисты Германии проводили в отношении

СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера ещё в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами. Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Наоборот, политическое искусство заключается здесь в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собой мирные отношения... Различие в мировоззрениях и в политических системах не должно и не может быть препятствием для устроения хороших политических отношений между обоими государствами... Только враги Германии и СССР могут стремиться к созданию и раздуванию вражды между народами этих стран» (117).

Пакт Молотова–Риббентропа сравнивают с Мюнхенским соглашением, но здесь не было проигравших – Чемберлена и Даладье. Оба документа в равной степени уязвимы с точки зрения абстрактной «морали» и в равной степени объяснимы государственными интересами. Но московский пакт более значим потому, что это был договор естественных союзников, определявшийся близостью геополитических интересов, а не «экстремистских идеологий». Как заметил П. А. Судоплатов, «идеологические принципы далеко не всегда являются решающими в секретных отношениях между сверхдержавами – это одно из правил игры» (118). Железная логика геополитики взяла верх и придала мощный импульс партнёрским отношениям двух евразийских держав. «Континентальный блок» начал складываться не только в теории, но и на практике.

Меньше всего в этом были заинтересованы в Лондоне и Париже, где в очередной раз «убедились» в «коварстве большевиков». Пресса заговорила о «двойной игре» Сталина и об ответственности Москвы за срыв трёхсторонних переговоров военных миссий, и эта пропагандистская кампания, подхваченная позднее многими зарубежными историками, до сих пор влияет на наше восприятие событий. Англо-французский блок оказался в смертельной опасности благодаря дипломатическим просчётам своих лидеров, которые надо было срочно на кого-то свалить. Но «Кремль проводил дипломатический курс, не согласующийся ни с моралью, ни с идеологией. Политика Москвы, как и политика демократических государств (курсив мой – В. М.), не отличалась ни чистотой и благородством, ни дьявольским коварством» (119).

Впрочем даже Италию Гитлер и Риббентроп информировали о переговорах только в общих чертах, ведя туманные разговоры

о «возможности» нормализации отношений с Москвой и не вдаваясь в детали, на что Г. Чиано 11 августа 1939 г. раздражённо сказал своему германскому коллеге: «оберегаемые в такой тайне переговоры плохо согласуются с союзническим договором (“Стальным пактом” 22 мая 1939 г. – *В.М.*) и абсолютной верностью» ему Италии (120). Если отношение Муссолини к Советскому Союзу колебалось в зависимости от политической конъюнктуры (в 1924 г. он одним из первых признал СССР), то позиция Чиано всегда была открыто антисоветской и проанглийской. Позже В.М. Молотов назвал его «отрицательным фактором в отношениях между СССР и Италией» и «непримиримым врагом Советского Союза» (121). Более конструктивную позицию занимал итальянский посол в Москве А. Росо, друживший со своим германским коллегой, известным русофилом Ф.В. фон Шуленбургом. Но Риму оставалось только следовать за Берлином, тем более что советско-итальянские отношения, регулировавшиеся договором 1933 г., в то время особых кризисов и осложнений не знали.

Наиболее остро и болезненно отреагировал Токио, поскольку японское правительство до последнего оставалось в неведении относительно ближайших планов своего потенциального союзника. 24 августа 1939 г. Й. Геббельс записал в дневнике: «Японцы опоздали на автобус. Сколько раз фюрер убеждал их присоединиться к военному союзу, даже заявив им, что иначе будет вынужден объединить силы с Москвой... Теперь Япония полностью изолирована» (122). За месяц до поездки в Москву Риббентроп ни разу не встречался с японским послом Х. Осима, хотя тот был его личным другом. Только вечером 21 августа министр по телефону сообщил послу о своем завтрашнем визите, выслушав в ответ филиппику о нарушении секретного протокола к Антикоминтерновскому пакту (123). Более подробно позицию Берлина ему растолковал статс-секретарь МИД Э. фон Вайцеккер: заверив собеседника в неизменности политики Рейха в отношении Японии, он напомнил, что Риббентроп и ранее информировал Осима о постепенной нормализации отношений с Москвой и что именно Япония затягивала переговоры, не давая в течение полугода определённого ответа на германские предложения. Вайцеккер подчеркнул, что со времени заключения Антикоминтерновского пакта ситуация в корне изменилась – главным общим врагом двух стран стала Англия – и что договор с Москвой «будет служить интересам нас обоих (Германии и Японии – *В.М.*)», содействуя нормализации также и советско-японских отношений (124). Вечером следующего дня Осима всё-таки увиделся

с Риббентропом, который выразил сожаление, что Германия была вынуждена к столь быстрым и решительным действиям, и повторил все прежние аргументы, от англо-французского «окружения» до неудачи переговоров об альянсе трёх держав. Рейхсминистр снова заговорил о необходимости скорейшей нормализации японо-советских отношений – об этом вскоре пойдёт речь и на переговорах в Кремле. Уже тогда Риббентроп заметил, что «наилучшей политикой для нас будет заключить японо-германо-советский пакт о ненападении, а затем двинуться против Англии». На вопрос посла о судьбе «укрепления» Антикоминтерновского пакта, которому он отдал столько сил, собеседник решительно ответил, что теперь с этим покончено и что «наши две страны должны идти вместе по другому пути» (125).

Подписание Пакта вызвало немедленную смену кабинета в Токио: влиятельного бюрократа-консерватора К. Хиранума сменил отставной генерал Н. Абэ, не имевший никакого политического опыта. Назначение Абэ было воспринято как проявление растерянности – элита нуждалась в перегруппировке сил. Новый кабинет объявил о «неучастии в европейской войне» и предпринял некоторые шаги по нормализации отношений с СССР, которые в течение весны–лета 1939 г. находились на грани войны (126). Альянс с Германией и Италией отдалился на неопределенный срок, а Антикоминтерновский пакт умер – если не по букве (формально он остался в силе), то по духу – и Японии предстояло определить свое отношение к «дорогому покойнику». В беседе с советником германского посольства в Риме И. фон Плессеном 4 сентября 1939 г. Т. Сиратори прямо сказал, что теперь «никто не может просить страну совершать самоубийство ради (Антикоминтерновского – *В.М.*) пакта» и что теперь общим «врагом номер один» вместо России стала Англия (127).

Антигерманские настроения в Токио были сильнее антисоветских. Решение Гитлера трактовали как «предательство», хотя было ясно, что правящая элита – прежде всего бывший министр иностранных дел Х. Арита – хотят возложить ответственность за провал своей дипломатии на кого-то третьего. Наиболее дальновидные призывали извлекать уроки. Сразу после подписания пакта С. Накано, известный как пронацистскими, так и прорусскими симпатиями, писал: «Престарелые руководители японского правительства беззастенчиво критикуют Германию за заключение пакта о ненападении с СССР. Стоит напомнить этим старцам, что виноваты именно они, упустив из-за собственной нерешительности шанс

заклЮчить трёхсторонний союз» (128). Ему вторил влиятельный либеральный экономист и политик Т. Исибаси: «Я выступаю за урегулирование японо-советских отношений. Один американский сенатор заявил, что японо-советское сближение будет большой опасностью для демократии и вызовет у американцев ощущение военной угрозы. Это сказано слишком сильно. По-моему, в нормализации японо-советских отношений нет ничего неразумного. Если из-за этого и возникают какие-то опасения, то виной тому только прежняя политика Японии, которая заставила наш народ думать, что Япония никогда не будет жить в мире с СССР» (129).

2 октября 1939 г. французский писатель П. Дриё ля Рошель записал в дневнике: «Вот и снова демократии ждут решений Сталина, Гитлера, Муссолини. Сформируют ли они триумvirат?» (130). О единстве интересов Германии, Италии и Советского Союза в европейской войне в это время неустанно говорил Т. Сиратори, ставший самым активным пропагандистом идеи «континентального блока» в Японии. «Совершенно естественно, что три недовольных европейских страны – Германия, Италия и Советский Союз – будут сотрудничать чтобы добиться пересмотра положения, сложившегося в результате Версальского договора. Сотрудничая с Италией, Германия смогла вернуть бо́льшую часть того, что утратила в результате Версальского договора, а теперь, пожимая руку Советскому Союзу, возвращает остальное. С другой стороны, Италия несколько не была вознаграждена за те жертвы, которые понесла в (Первую – В.М.) мировую войну... Если нынешняя европейская война связана в основном с исправлением односторонних выгод, порождённых Версальским договором, то она не имеет большого значения для Японии. Если же она означает создание нового порядка в Европе вместо старого, то её значение огромно – в свете того, что Япония в настоящее время делает в Восточной Азии. В этом отношении для Японии самое важное – иметь в друзьях ту державу или державы, которые понимают её глобальную задачу» (131).

От идеи *союза с Германией и нормализации отношений с СССР* Сиратори пришел к выводу о необходимости *союза с Германией и СССР*, т.е. создания принципиально новой системы глобального сотрудничества евразийских держав. Исходя из этой логики, он утверждал, что советско-германский пакт не только не является «предательством» по отношению к Японии, но, напротив, может и должен быть использован к её выгоде. Если в Европе концепцию «союза четырёх» первым выдвинул К. Хаусхофер, то в Японии приоритет на неё, бесспорно, принадлежит Сиратори. С этим связан

один весьма интригующий сюжет: он не раз говорил, что ещё в начале июля 1939 г., то есть до пакта Молотова–Риббентропа, подал в правительство записку о целесообразности такого альянса. В архиве Ф. Коноэ сохранился меморандум «Меры, необходимые для скорого и выгодного разрешения (Китайского – *В. М.*) инцидента», датированный 19 июля 1939 г. (машинопись без подписи), который, возможно и является этой запиской. Во всяком случае и по содержанию, и по форме это очень близко к позиции Сиратори.

Главная мысль документа: Чан Кайши держится на двух опорах – СССР и Великобритании; если убрать одну из них, а именно советскую, гомиьндановский режим рухнет и «инцидент» благополучно разрешится в пользу Японии. Предлагалось дать советскому правительству следующие гарантии: 1) Германия отказывается от любых посягательств на Украину; 2) Синьцзян, Тибет, Янань, Шэньси и Ганьсу признаются советской сферой влияния; 3) если СССР стремится проникнуть на юг, в Бирму, на это можно согласиться в качестве последней уступки; 4) в случае англо-советской войны Япония, Германия и Италия окажут СССР военную помощь. Как считал автор меморандума, предлагаемый союз не будет уступать англо-франко-американскому блоку ни в дипломатическом, ни в военном, ни в экономическом отношении (132). Снова процитирую Хаусхофера, который в мае 1940 г. писал: «Если страны Восходящего Солнца и Серпа и Молота смогут покончить с взаимным недоверием, они будут непобедимы в прилегающих морях... Чем меньше напряженности будет в отношениях между Японией и Россией, тем меньше шансов будет у англо-саксов и Китая навязывать политику «разделяй и властвуй». Объединившись, Япония и Россия станут непобедимы в Восточной Азии. Монголия, руководимая Россией, Южная Маньчжурия, руководимая Японией, и буферное пространство между ними... могут стать более прочным образованием, нежели все конструкции Версаля» (133).

В конце зимы 1940 г. в статье «Переосмысление политики в отношении СССР» Сиратори прямо говорит о «германо-советской стороне» как противнике «англо-французской стороны» в борьбе за «новый порядок» (официально Москва таких формул избегала) и о необходимости дальнейшего сближения Москвы и Токио, которое окажет воздействие на США и удержит их от вступления в войну. Напомню, что статья написана до окончания «странной войны» в Центральной Европе и «зимней войны» на Севере, когда победа Гитлера была ещё не очевидна, а в Лондоне и Париже планировали войну против СССР. Переломить ситуацию могут только решитель-

ные действия, т.е. оформление союза противников «демократии», воюющих с общим врагом и преследующих одни и те же цели, глобального союза, преодолевающего узкие рамки азиатского «регионализма» (134). Сиратори почти не касался проблем Китая, хотя советская помощь Чан Кайши оставалась главным препятствием на пути достижения согласия сторон: Сталин не собирался прекращать помощь ни Гоминьдану, ни коммунистам. В конце сентября 1939 г. Мао Цзэдун в статье «Единство интересов Советского Союза и всего человечества» в полном соответствии с линией Москвы трактовал её внешнюю политику как «политику мира», но обвинял в провоцировании войны уже не только Англию и Францию, но и США. Исходя из последних установок Коминтерна, Мао призвал трудящихся всех стран к участию в нынешней «несправедливой и захватнической» войне и к «активной поддержке справедливых, незахватнических войн» (под которыми надлежало понимать действия СССР), отвергнув «мнение, что Китай должен участвовать в войне на стороне англо-французского империалистического лагеря», поскольку оно «не отвечает интересам борьбы против японских захватчиков» (135).

В первой половине 1940 г. состояние и перспективы японо-советских отношений оставляли желать много лучшего и не могли идти ни в какое сравнение с полномасштабным советско-германским сотрудничеством. Кабинеты Н. Абэ (август 1939 – январь 1940 гг.) и адмирала М. Ёнаи (январь – июль 1940 г.) не возражали против улучшения отношений с СССР, но и не предпринимали для этого никаких конкретных действий. Достаточно прорусская позиция М. Ёнаи (в 1915–1917 гг. он был заместителем военно-морского атташе в Петрограде) компенсировалась жёсткой линией его министра иностранных дел – «вечного» Х. Арита, настроенного теперь как антисоветски, так и антигермански. Арита стал *bête noire* для сторонников сближения как с Москвой, так и с Берлином, что сыграло не последнюю роль в падении кабинета Ёнаи летом 1940 г.

В конце 1939 г. на пути формирования «континентального блока» возникло новое препятствие. Советско-итальянские отношения резко ухудшились после нападения СССР на Финляндию и волны антисоветских выступлений в Италии, инспирированных, как считали в Москве, если не лично Муссолини, то Чиано и его окружением. Фашистская молодежь устроила «кошачий концерт» новому полпреду Н. В. Горелкину, и он демонстративно отбыл в Москву ещё до вручения верительных грамот. Между двумя странами продолжалась борьба за «сферы влияния» на Балканах, где, по словам

тогдашнего американского посла в Риме У. Филлипса, лежал «ключ к отношениям Италии с Советским Союзом» (136). Весной 1940 г., после заключения советско-финского мирного договора и конструктивных шагов Муссолини навстречу Москве, ситуация нормализовалась, хотя до подлинного союза дело так и не дошло (137). Одним из этих шагов был отзыв из Токио посла Ж. Аурити, бывшего посла в Москве и противника сближения с СССР.

Следующим этапом формирования «континентального блока» стало заключение Тройственного пакта Германии, Италии и Японии 17 сентября 1940 г., в подготовке которого особенно важную роль играл Ё. Мацуока, министр иностранных дел во втором кабинете Ф. Коноэ. Мацуока по праву считается одной из наиболее парадоксальных и противоречивых фигур в японской политике. Влиятельный представитель «маньчжурского лобби», он не раз выступал за войну с СССР и в то же время способствовал нормализации японо-советских отношений. Регионалист, более всего занятый проблемой японской экспансии в Азии, он стал движущей силой Тройственного пакта как шага на пути к «континентальному блоку». Определяющими чертами его характера были поистине маниакальное славолубие и стремление к личным триумфам, о последствиях которых он не всегда задумывался.

Сменив Х. Арита на посту министра, Мацуока немедленно возобновил переговоры с Германией, Италией и СССР. Он решил совместить две главных задачи своей внешней политики, объединив пакт с Германией и Италией и пакт с СССР в рамках «соглашения четырёх», т. е. «убить одним камнем двух птиц», как говорит японская поговорка. 6 сентября 1940 г. на совещании у премьер-министра Ф. Коноэ Мацуока впервые на официальном уровне «озвучил» идею координации действий четырёх держав с возможным перерастанием в союз, предложив определить сферы их влияния (138), поэтому японским автором идеи «союза четырёх» порой неверно считают его, а не Сиратори. Сиратори был главным конкурентом Мацуока в борьбе за пост министра летом 1940 г., и тот приложил все усилия к отстранению опасного соперника от конкретной работы, включая переговоры с Германией и Италией. Заключение Тройственного пакта стало итогом «блиц-дипломатии» Мацуока и было подано как его личный успех.

В процессе подготовки пакта естественно встал вопрос об отношениях стран-участниц – теперь уже как единого блока – с Советским Союзом. Тогда немногие прямо называли СССР «союзником» держав Тройственного пакта, но его официальные и полуофициаль-

ные толкователи в Берлине и Токио, включая Хаусхофера и Сиратори, недвусмысленно подчёркивали, что пакт не только не направлен против Москвы, но открыт для её участия и партнерства. Лейтмотив их выступлений: пакт – не завершение, но начало пути, ещё не победа, но её важная предпосылка. Путь к «новому мировому порядку» только начался, поэтому подключение СССР к общим усилиям трех держав является следующим, логически оправданным и необходимым этапом (139).

Официально Москва была оповещена о переговорах только 26 сентября, когда германский поверенный в делах В. Типпельскирх сделал от имени Риббентропа заявление Молотову о предстоящем заключении договора и его целях (прежде всего об антиамериканской направленности), добавив, что ещё не имеет окончательного текста. Поверенный специально разъяснил, что новый договор соответствует обязательству статьи 4 Пакта о ненападении «не участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны». Молотов сдержанно поблагодарил за сообщение, заметив, что Москва уже информирована о событиях «советским полпредством в Токио», так что это не является для неё сюрпризом (140). В его словах прозвучало недовольство запоздалым оповещением советской стороны, но, как видно из истории токийских переговоров, виной тому был не злой умысел, а бесконечные проволочки и разногласия, до самого конца ставившие под сомнение успех всего предприятия.

Типпельскирх также сообщил, что Риббентроп намерен в ближайшее время направить Сталину подробное письмо, которое было написано 13 октября и немедленно передано в Москву (141). Это пространное и содержательное послание официально предлагало «согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов», т. е. объединить усилия СССР и держав Тройственного пакта для окончательного создания «континентального блока», поскольку для Риббентропа «Тройственный пакт приобретал смысл только при участии Советского Союза» (142).

Насколько искренен был Риббентроп? Что думал, несомненно, стоявший за ним Гитлер? Чьи это мысли и предложения? Авторитетный историк Д. Ирвинг даже утверждает, что Гитлер «сам продиктовал» письмо Риббентропу (143), но это, на мой взгляд, вряд ли справедливо. Конечно, текст был составлен в соответствии с указаниями Гитлера и согласован с ним, но в полной мере отражал

и позицию самого рейхсминистра, оказавшегося в драматической ситуации. Её точно охарактеризовал Г. Городецкий: «Ни Риббентропу, ни министерству не было известно о шедших полным ходом военных приготовлениях Германии, не говоря уже о директивах по плану «Барбаросса»... Пакт с Россией, заключённый в августе 1939 г., стал для Риббентропа его наивысшим дипломатическим успехом (144). Теперь он надеялся вознестись на такую же высоту вновь, введя Россию в Тройственный пакт и переключив её устремления к югу, против Британской империи. Этих взглядов Риббентроп придерживался вплоть до ранней весны 1941 г., то с возраставшим, то с уменьшавшимся упорством... Непрекращающиеся обращения Риббентропа, его вмешательство лишь усилили скрытность Гитлера, и он стал обманывать Риббентропа, заставив того поверить в возможность компромисса» (145). Весной 1941 г. Гитлер обманывал не только Риббентропа, но также Вайцзеккера и Шуленбурга, под руководством которого посольство прилагало отчаянные усилия к дипломатическому урегулированию нарастающей напряжённости (146).

Уже в Нюрнберге Риббентроп вспоминал: «В течение зимы и весны 1941 г. при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал всё более отрицательную позицию... У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок» (147). Последнее замечание не вполне искренно: Риббентропа поддерживало влиятельное русофильское лобби, но сам рейхсминистр, подобно его обожаемому фюреру, до последнего не был склонен прислушиваться к мнению профессиональных дипломатов, не исключая Вайцзеккера и Шуленбурга. «Одиночество» он ощущал только потому, что Гитлер в резкой форме отказал ему в поддержке идеи Континентального блока. «Столкнувшись с непримиримостью Гитлера, Риббентроп уступил и занял типично угодническую позицию» (148). Иными словами, Риббентроп сколько мог противился идее войны против СССР, но, обладая от природы достаточно слабым характером, сломался. Впрочем, это произошло не раньше апреля 1941 г., а за полгода до того он ещё был полон самых радужных надежд.

21 октября Сталин написал краткий и деловой ответ: не вдаваясь в дискуссии, он отправлял Молотова в Берлин для переговоров по всем вопросам (149). Молотов основательно подготовился к конкретному разговору, о чём свидетельствуют его записи «Некоторые директивы к берлинской поездке» (150). Предполагалось «разузнуть действительные намерения» стран-участниц пакта, «подго-

товить первоначальную наметку сферы интересов СССР... но не заключить какого-либо соглашения с Германией и Италией на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время». Директивы содержали десять пунктов, в которых нетрудно увидеть советские условия присоединения к пакту или сотрудничества с его участниками (до некоторых дело так и не дошло). В случае достижения взаимопонимания Молотову предписывалось предложить «сделать мирную акцию в виде открытой декларации 4-х держав» о координации их действий.

Берлинский визит Молотова долгое время оставался столь же мифологизированным событием, как и московский визит Риббентропа годом раньше. Теперь, когда опубликованы и советские, и германские документы, мы можем составить вполне адекватное представление о происшедшем (151). Гитлер и Риббентроп начали разговор с заявления о скором поражении Англии и разделе её империи между победителями, перейдя затем к вопросу о разграничении сфер влияния. Молотов внимательно слушал, соглашался, но пока не видел предмета для обсуждения. Вопрос о Тройственном пакте первым задал именно он, на что Гитлер ответил сначала предложением координировать действия, а затем прямым приглашением «участвовать в Тройственном пакте в качестве четвёртого партнера» (телеграмма Молотова Сталину; в немецкой записи этих слов нет). Молотов ответил, что «участие России в Тройственном пакте представляется ему в принципе абсолютно приемлемым при условии, что Россия является партнером, а не объектом» (немецкая запись) и потребовал конкретных разъяснений вместо общих разговоров. Чётко обозначив, в соответствии с директивами Сталина, пункты советских интересов, Молотов фактически назвал условия, на которых Москва была готова к сотрудничеству. В свою очередь Риббентроп вечером 13 ноября вручил гостю черновой проект соглашения между государствами Тройственного пакта и СССР. Формально о присоединении к пакту, подписанному в Берлине полтора месяца назад, здесь не говорилось, но на деле речь шла именно об этом. Проект предусматривал: декларацию единства целей – установить новый порядок «в своих естественных сферах интересов» и «воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт» (преамбула и статья 1); взаимное уважение сфер интересов (статья 2); неучастие во враждебных группировках и экономическое сотрудничество (статья 3); немедленное вступление соглашения в силу (статья 4). К соглашению прилагались два секретных протокола: первый

о разделе сфер влияния, второй об отношениях с Турцией и о режиме проливов.

Советская сторона отреагировала оперативно. Уже вечером 25 ноября Молотов передал Шуленбургу ответ Сталина – согласие, но с дополнительными условиями: германские войска уходят из Финляндии, Япония отказывается от своих концессий на Северном Сахалине, СССР и Болгария заключают договор о взаимопомощи для гарантирования безопасности Советского Союза со стороны проливов. Эти пункты оформлялись ещё тремя секретными протоколами (152). «Мы надеемся на скорый ответ германского правительства». — сказал Молотов на прощание (153). Но ответа в Москве так и не дождалось, хотя «надежда на то, что отношения с Россией удастся уладить, не покидала его (Риббентропа – *В. М.*) даже после декабря 1940 г.» (154). 18 декабря Гитлер утвердил печально известную директиву № 21 – план «Барбаросса», хотя приказ о разработке оперативных планов войны против СССР был отдан им ещё летом.

Указания Сталина и его переписка с Молотовым в ходе визита показывают, что они искренне стремились к сотрудничеству со странами Тройственного пакта, предпочитая видеть их союзниками, а не противниками. В совокупности с другими известными документами они полностью опровергают утверждения, что советские руководители изначально не собирались присоединиться к Пакту и только тянули время и ставили Гитлеру заведомо невыполнимые условия (155). Если бы дело обстояло так, секретные записи Молотова (сделанные, напомним, только для себя самого!) были бы совершенно иными. Если проект Риббентропа, был по существу только «протоколом о намерениях», то Сталин и Молотов стремились конкретизировать пути и формы будущего сотрудничества в рамках «континентального блока». Об этом говорит и подчеркнуто деловое поведение Молотова на берлинских переговорах. В телеграмме Сталину из Берлина он особо отметил: «Принимают меня хорошо, и видно, что хотят укрепить отношения с СССР». Сталин предложил непростые, но конкретные, продуманные и аргументированные условия сотрудничества, если и не надеясь на их полное и скорое принятие, то несомненно рассчитывая на продолжение диалога. Отмечу, что, несмотря на не вполне удовлетворительный исход переговоров, обе стороны, особенно германская, постарались представить их как свой дипломатический успех (156).

Присоединение СССР к Тройственному пакту в геополитическом отношении «могло бы сбалансировать неустойчивую конти-

ментальную Ось», поскольку уже по географическим причинам реальное сотрудничество его участников – без СССР – было практически невозможным (157). Сталин прекрасно понимал это, что отражено в одном из пунктов директив: «Транзит Германия–Япония – наша могучая позиция, что надо иметь в виду». Кроме того советские предложения содержали не так уж много нового: Финляндия была отнесена к советской сфере влияния ещё секретным дополнительным протоколом к Пакту о ненападении, а вопрос о концессиях не раз возникал на советско-японских переговорах. Однако С. Того, работавший и в Берлине, и в Москве, считал, что «заставить Россию признать лидерство Германии и Италии в Европе невозможно» (158).

Отрицательную реакцию Гитлера – а вопрос об ответе решал лично и исключительно он – вызвали и сам факт контрпредложений, и их содержание. Хорошо осведомленный Л. Дегрелль утверждал, что роль детонатора сыграли «посягательства» СССР на румынскую нефть, а Г. Городецкий на основе архивных материалов убедительно показал роль «болгарского фактора», до недавнего времени фактически остававшегося вне поля зрения историков (159). Особое значение приобретает следующее обстоятельство. «Гитлер, как и Сталин, пользовался своей властью, чтобы вбить клин между военными, политиками и государственными чиновниками. Ни Риббентроп, ни МИД не знали, насколько далеко зашли военные приготовления, не говоря уже о директивах по операции “Барбаросса”... В итоге сторонники «континентального блока» теряли почву под ногами» (160). Верный политике «разделяй и властвуй», Гитлер контролировал разработку военными планов вторжения в СССР и одновременно дезинформировал собственных дипломатов относительно своих намерений.

Анализ причин нападения Германии на СССР и связанных с ним фактов и факторов не входит в нашу задачу. Скажу только одно: оно стало глобальным, невосполнимым поражением «континенталистов», «надиром практической геополитики и концом Хаусхофера», планы которого «были сокрушены другим мечтателем в баварских горах» (161). Смертельный удар был нанесён и Тройственному пакту, участники которого лишились последней реальной возможности стратегического партнёрства и взаимной помощи.

В берлинской мастерской скульптора А. Брекера 22 июня М. Борман лихорадочно повторял фразу «Небытие в этот июньский день одержало победу над Бытием... Всё закончено. Всё потеряно» (162). В.М. Бережков, в ту пору первый секретарь посольства

в Берлине, вспоминал, как той же ночью посол В. Г. Деканозов и он были вызваны к Риббентропу, который срывающимся голосом объявил им о начале войны и дрожащими руками вручил им соответствующую ноту. Посол заявил гневный протест против надуманных обвинений и направился к выходу. «И тут произошло неожиданное. Риббентроп, семеня, поспешил за нами. Он стал скороговоркой, шепотком уверять, будто лично был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать. Гитлер принял это решение, он никого не хотел слушать. – Передайте в Москве, что я был против нападения, – услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор» (163). Бережков пишет, что Риббентроп «конечно, лгал, уверяя, будто отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз» (164). Теперь мы знаем, что именно так оно и было.

Вопрос об отношениях СССР и держав Тройственного пакта решался прежде всего в Москве и в Берлине, но это не значит, что Япония не играла в этом никакой роли. Советско-японский пакт о нейтралитете, подписанный Молотовым и Мацуока 14 апреля 1941 г. в Москве, был прямым следствием как начавшегося сближения, так и последовавшего за ним охлаждения: «неудача визита Молотова в Берлин не оставила японцам иного выбора, кроме как ещё раз попытаться заключить отдельный договор с русскими» (165).

ЯПОНИЯ МЕЖДУ БЕРЛИНОМ И МОСКВОЙ

Если бы «союз четырёх» состоялся, это был бы мощный блок, который охватил бы весь евразийский континент. При наибольшей эффективности он вполне мог бы противостоять Америке. Как замысел это было неплохо.

Хата Икухико (166)

В тридцатые годы в военной стратегии Японии существовали две основных концепции «экспансия на север, оборона на юге» и «экспансия на юг, оборона на севере». Первая предусматривала войну против СССР на суше с Маньчжурией в качестве главного плацдарма, вторая – операции в Китае и Юго-Восточной Азии с активным участием флота. Успешная реализация первой предполагала нейтралитет США и европейских государств, второй – нейтралитет СССР. Между этими концепциями предстояло сделать выбор, поскольку в необходимости внешней экспансии правящая элита страны не сомневалась.

Советская историография утверждала, что военное планирование Японии вплоть до окончания Второй мировой войны всегда было направлено против СССР (167). В качестве доказательств использовались оперативно-тактические планы на случай войны с СССР (наиболее известны «Кантокуэн» и «Оцу»), разработанные в Генеральном штабе сухопутных войск и в штабе Квантунской армии, а точнее информация о них, полученная во время следствия перед Токийским процессом, так как оригиналы основных документов не сохранились. Большая часть сведений исходила от людей, формально заслуживавших – по прежнему служебному положению – всяческого доверия. Однако есть одно обстоятельство, о котором вспоминают редко: ключевые свидетели-военные прибыли на процесс из

советского плена. Будучи людьми чести и своего слова, они дали согласие помочь обвинению и свое обещание выполнили. Поэтому основывать свои построения исключительно и даже преимущественно на их показаниях, не подкреплённых документами, мы не имеем права (168).

Наличие оперативных планов и разработок выдавалось не только за подготовку к войне, но за решение воевать с Советской Россией, которого не принимали ни правительство, ни командование. Наличие в сейфах Генерального штаба планов «на все случаи жизни» говорит лишь о его хорошей работе. Между прочим, тогда же в Японии разрабатывались планы войны с... нацистской Германией – на тот случай, если она, оперативно разгромив противников в Европе, перенесёт свою экспансию в Индийский и Тихий океаны. Летом 1940 г. министр иностранных дел Ё. Мацуока всерьёз обсуждал с германским послом Э. Оттом, по какому градусу южной широты будет проходить будущее разделение сфер влияния Японии и Германии (169).

Японская армия традиционно склонялась к «северному варианту» экспансии, флот – к «южному». Армия была главным генератором антисоветской политики, апофеозом которой стал военный конфликт на реке Халхин-Гол весной и летом 1939 г. Можно по-разному оценивать его причины. Автор настоящей работы считает его масштабной японской «разведкой боем», которой оба правительства не дали перерасти в настоящую войну. Японская армия потерпела поражение, главным последствием которого стал окончательный отказ от «северного варианта» экспансии – а значит, и от войны с СССР – в пользу «южного» (170). Поражение привело к смене командования Квантунской армии и стало одной из причин падения кабинета К. Хиранума. Новому командующему Квантунской армией генералу Ё. Умэдзу строгойше предписали избегать любых конфликтов с северным соседом.

За конфликтом на Халхин-Голе последовало – хоть и не сразу – улучшение советско-японских отношений. Заключение пакта Молотова–Риббентропа и прекращение переговоров об «укреплении» Антикоминтерновского пакта оставило Японию без союзников и вынудило искать нормализации отношений с СССР. Посол в Москве С. Того прилагал к этому максимум усилий, которые, однако, тормозились действиями министров иностранных дел К. Номура и Х. Арита. Только с приходом в МИД Ё. Мацуока переговоры приняли конкретный характер. В достижении соглашения с СССР новый министр рассчитывал на помощь Германии, которая ещё в кон-

це августа 1939 г. предлагала Японии свои услуги «честного посредника». В октябре 1940 г. С. Того был отозван из Москвы в ходе грандиозной кадровой чистки МИД, однако его преемник отставной генерал Ё. Татэкава также был сторонником добрососедских отношений с СССР.

Заявив о коренных изменениях во внешней политике Японии с приходом к власти кабинета Коноэ и заключением Тройственного пакта, Татэкава 30 октября с места в карьер предложил заключить двусторонний Пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому, и передал Молотову свой проект. Однако нарком «заявил, что по примеру с Германией считает целесообразным вести обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с одновременным выяснением ряда практических вопросов, интересующих обе стороны» (171), т. е. прежде всего судьбы японских концессий на Северном Сахалине, ликвидации которых добивалось советское правительство. Именно этот вопрос, по которому Токио отказывался идти на уступки, тормозил переговоры Того с Молотовым. Узнав о предстоящем визите Молотова в Берлин, Мацуока немедленно попросил германского коллегу о содействии в окончательном примирении с Россией (172). Риббентроп подтвердил, что готов помочь, но японский «сюжет» оказался на берлинских переговорах далеко не главным.

По возвращении из Берлина Молотов 18 ноября снова встретился с Татэкава и предложил вместо Пакта о ненападении заключить Пакт о нейтралитете с дополнительным протоколом о ликвидации концессий. Изменение характера Пакта Молотов мотивировал тем, что заключение аналогичного договора с Германией сопровождалось возвращением Советскому Союзу части его бывших территорий и что теперь «советский народ» вправе ожидать такого же от Японии (173). Однако истинной причиной скорее всего было обязательство «не заключать какого-либо договора о ненападении с Японией до времени, пока отношения Китайской республики и Японии не будут формально восстановлены», данное Советским Союзом Чан Кайши в форме строго конфиденциальной устной декларации, сопровождавшей заключение советско-китайского договора о ненападении 21 августа 1937 г., когда отношения Москвы и Токио находились в надире (174).

Советские предложения были приняты в качестве «базы для переговоров». Японское правительство немедленно ответило, в принципе согласившись на Пакт о нейтралитете (кажется, Мацуока был готов на любой договор, заключение которого мог записать себе в «актив»), но резко отвергло предложение о ликвидации концессий. Тон беседы Молотова с Татэкава 21 ноября был весьма напряжён-

ным, и переговоры вновь забуксовали (175). Тогда Мацуока лично взялся за дело и принял решение отправиться в Москву, Берлин и Рим. 3 февраля 1941 г. на совместном совещании правительства и армейского командования он представил «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом», предусматривавшие в том числе заключение Пакта о нейтралитете на условиях разрешения спорных вопросов о границе, взаимного признания сфер влияния и продажи Северного Сахалина Японии. С неприемлемостью последнего условия для Москвы министр, похоже, отказался считаться. Совещание приняло предложения Мацуока и обозначило достижения координации действий четырёх держав в качестве главной цели его визита (176).

Первый заезд Мацуока в Москву был только зондажем – он ещё не знал, что приготовили ему Гитлер и Риббентроп. 24 марта японский министр встретился с Молотовым, затем его принял Сталин. Рассмотрение деловых вопросов решили отложить до второго приезда Мацуока на обратном пути из Европы, поэтому гость в основном рассуждал о существующем в Японии «моральном коммунизме» и о необходимости общей борьбы с «англосаксами». «Со своей стороны т. Сталин указывает, что ему известно, что никакая идеология не мешает тому, чтобы практически поставить вопрос о взаимном улучшении отношений. Что же касается англосаксов, говорит т. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить» (177). Возможно, Сталин просто «подыграл» собеседнику, но игнорировать очевидный геополитический смысл сказанного – в свете традиционного противостояния России и Англии – было бы неверно.

В Берлине Мацуока не без удивления узнал, что «союз четырёх» в планы Германии уже не входит. Более того, Риббентроп попытался сделать вид, что таких планов никогда и не было. К этому времени Гитлер почти добился его согласия на войну с Россией, сломав волю рейхсминистра к сопротивлению. Не имея смелости обнаружить перед иностранным гостем разногласия с фюрером, Риббентроп говорил об ухудшении отношений с Москвой и даже намекнул на возможность войны, но о плане «Барбаросса», т.е. о *принятом решении* воевать с Россией, Мацуока оповещён не был ни официально, ни неофициально, причем сделано это было по специальному личному указанию Гитлера. Внимание гостя постарались переключить на Тихий океан и будущую войну с Англией, уговаривая Японию атаковать Сингапур. Об этом Риббентроп уже говорил с Х. Осима, с января 1941 г. вновь занимавшим пост посла в Берлине; Осима был известен давними пронацистскими симпатиями и

в новых условиях, похоже, отказался поддерживать идею «континентального блока», за которую агитировал ещё в 1940 г. вместе с Т. Сиратори и С. Накано. К перспективе советско-японского пакта в Берлине отнеслись без малейшего энтузиазма, но особо отговаривать не стали – может, чтобы не вызвать у японского руководства ненужных опасений и подозрений (178). Как и было задумано, визит продемонстрировал миру единство и солидарность стран «оси»; сложившаяся угроза её эффективности осталась известной только участникам переговоров.

На обратном пути через Москву (7–14 апреля) Мацуока всё-таки добился заключения Пакта о нейтралитете, поскольку «Япония должна была сама позаботиться о своей безопасности в случае германо-советской войны» (179). Переговоры оказались нелегкими и были отягощены призраком возможного конфликта на Западе. Визитёр прямо сказал: «У него нет намерения, чтобы Япония вместе с Германией напали на СССР... Япония будет лояльна к своей союзнице – Германии, но из этого вовсе не вытекает, что Япония будет ссориться с СССР. Мацуока добавляет, что его точка зрения заключается в том, чтобы в отношении улучшения отношений между СССР и Японией *работать таким образом, чтобы не было ссоры между Германией и СССР* (курсив мой – В. М.)» (180). Камнем преткновения опять стали концессии, ликвидацию которых советская сторона выставила в качестве минимального и единственно необходимого условия (181). Дабы не упустить почти достигнутый успех, Мацуока в последнюю минуту предложил компромиссный вариант: при заключении Пакта он вручит конфиденциальное письмо «о возможности в дальнейшем ликвидировать все спорные вопросы о концессиях» (182). Молотов немедленно обратился к Сталину.

12 апреля Сталин принял Мацуока, и разговор сразу принял деловой характер. Министр заявил, что надо переходить к решению «больших проблем», включая освобождение Азии от «англосаксов», «не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами», под которыми он, очевидно, понимал большой вопрос о концессиях. Сталин ответил, что «СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам... Поэтому, указывает т. Сталин, мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте нейтралитета с Японией... Это будет первый шаг, и серьёзный шаг, к будущему сотрудничеству по большим вопросам». Пришлось, однако, заняться и «мелочами», но вопрос о концессиях был довольно быстро решен путём взаимных уступок. Тем самым последнее препятствие к заключению Пакта, желанного обоим сторонам, было устранено (183).

Подробности торжественного подписания Пакта, обильного застолья в Кремле и сенсационного появления Сталина на Ярославском вокзале на проводах Мацуока хорошо известны и многократно описаны (184). Поведение Сталина, не только проявившего к Мацуока беспрецедентное уважение, но сделавшего демонстративно дружеские жесты в сторону германских дипломатов, вызвало множество комментариев. Всем было очевидно, что Пакт связан с отношениями обеих стран с Германией. Но каким образом?

И как, соответственно, оценить Пакт с точки зрения «континентального блока»? В контексте нашего исследования самым важным является высказывание Сталина о «будущем сотрудничестве по большим вопросам». Не берусь утверждать категорически, что Сталин имел в виду *вхождение Советского Союза в Тройственный пакт*, поскольку на ноябрьские предложения 1940 г. ответ из Берлина так и не был получен, а слухи о подготовке Германии к войне на востоке всё множились. В то же время не подлежит сомнению, что этими словами он подчеркнул дружественные настроения по отношению к державам «оси» в целом. Он дал понять – и не только Японии, но и Гитлеру – что готов к сотрудничеству и открыт для него. Как убедительно показал Г. Городецкий, Сталин до последнего надеялся если не на союз с Германией, то на дипломатическое урегулирование всех существующих проблем. Пакт с Японией был полезен Москве во всех отношениях. При наилучшем, мирном развитии событий он мог побудить Германию к более конструктивной политике в направлении создания «континентального блока» и во всяком случае усиливал позиции СССР в возможном противостоянии с Берлином, поскольку теперь уже Япония могла выступить в роли «честного посредника» (замечу, что похожий характер имели и советские инициативы в отношении Италии). В случае нападения Германии на СССР Пакт ставил Японию в крайне затруднительное положение, заставляя её разрываться между двумя обязательствами и, по крайней мере, предотвращал её немедленное вступление в войну. А боязнь «капиталистического окружения» и одновременного удара с нескольких сторон так и не оставила Сталина. Германский блицкриг в Югославии, пришедшийся как раз на промежуток между двумя приездами Мацуока в Москву, только усилил его опасения и, возможно, сделал его более уступчивым (185).

Б. Н. Славинский справедливо указывает на важность «китайского фактора»: Япония стремилась отдалить СССР от Чан Кайши, чтобы в перспективе добиться прекращения советской помощи последнему (186). Напомню, что именно этим ещё в июле 1939 г.

Т. Сиратори мотивировал необходимость нормализации отношений с Москвой. Но был ещё один нюанс, связанный на сей раз с Тройственным пактом, при заключении которого Германия добилась от Японии конфиденциального обязательства автоматически вступить в войну на её стороне в случае нападения третьей страны на Германию. Прежде всего это было направлено против США, потому что при формальном соблюдении нейтралитета Рузвельт не только не скрывал своих симпатий, но фактически искал повода чтобы вступить в войну на стороне Великобритании. В признании этого сходятся как адвокаты его дипломатии, так и её критики. Мацуока, стремившийся, как и в Москве, прежде всего к заключению договора, с лёгким сердцем дал требуемые гарантии. Однако при обсуждении проекта Пакта Императорской конференцией он прямо заявил, что Япония хоть и берёт на себя соответствующее обязательство, но на практике оставляет за собой право решать, когда и как вступать в войну. Об СССР речь не шла, но теперь обстоятельства изменились. Наличие советско-японского Пакта о нейтралитете могло позволить Японии сохранить именно нейтралитет – пусть более благоприятный к Германии.

Пакт разрядил атмосферу напряженности и взаимного недоверия, особенно в Японии, где армия, наконец-то, «освободилась от навязчивой идеи о русской угрозе» (187). Японская пропаганда всячески подчеркивала, что СССР – тоже азиатская страна, вкладывая в это определение сугубо положительный смысл. Она на все лады склоняла фразу Сталина, якобы сказанную им Мацуока в Кремле: «Вы азиат. И я тоже». «Мы все азиаты», – ответил японский министр (188). Испытали облегчение и в Москве: ни Япония, ни Советский Союз войны не хотели и нападать друг на друга не собирались, но не исключали возможности подобных действий с другой стороны. Впрочем уже после заключения Тройственного пакта Р. Зорге писал: «Сегодня вполне возможно, что Владивосток, который ещё недавно называли “кинжалом, направленным на Японию”, утратит своё остриё» (189).

Реакция на Пакт в других странах оказалась более чем нервной: в равной мере были встревожены Чан Кайши и Ван Цзинвэй, Гитлер и Рузвельт. Англо-американская дипломатия, до последнего момента не верившая в возможность советско-японского сближения, восприняла его как ещё один успешный шаг на пути к «союзу четырёх», как продолжение и развитие Тройственного пакта. Аналогичным образом – но «с противоположным знаком» – трактовал эти события японский историк-марксист С. Синобу: он увидел в них начало нового этапа в истории японской дипломатии, который

определяется полным отказом от «Вашингтонской системы» как творения англо-американского империализма (190). «Для Рузвельта подписание пакта явилось столь же неприятным известием, как и ранее весть о заключении советско-германского пакта» (191). Ответом стали новые санкции США и против Японии, и против СССР. Впрочем японо-американские отношения заметно ухудшились уже в результате Тройственного пакта, потому что теперь «мы не можем рассматривать Японию и иметь с ней дело как с отдельным государством. Она стала членом команды, и наше отношение к ней должно быть таким же, как и ко всей команде в целом» (192).

Нападение Германии на СССР, действительно, поставило Японию в затруднительное положение, поскольку ни правительство, ни армия не были должным образом предварительно оповещены об этом. Вопрос о вступлении в войну против СССР оказался в повестке дня, но ни премьер-министр Ф. Коноэ и большинство членов кабинета, ни командование японской армии и флота не испытывали по этому поводу ни малейшего энтузиазма. Исключением оказался... Мацуока, который, возгордившись после визита в Европу и пакта с СССР, вознамерился проводить собственную дипломатию, а в перспективе стать следующим премьером. «Господи, помогите Японии, если это случится», – записал ещё 2 мая в дневнике американский посол Дж. Грю (193). Беседуя с советским послом К. А. Сметаниным 23 июня 1941 г., министр довольно резко заявил: «Основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и Пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то Пакт о нейтралитете “не будет иметь силы”» (194). В Москве японский посол Ё. Татэкава высказался в совершенно ином духе, подчеркнув стремление Мацуока и свое собственное «избежать возникновения этой войны» (195).

В то же самое время на заседаниях кабинета министров Мацуока начал требовать немедленного присоединения Японии к германской агрессии против СССР. Против выступил даже такой ярый милитарист как военный министр (будущий премьер и «военный преступник номер один») Х. Тодзио. Представитель «квантунской клики», он не оставлял мысли об экспансии в Приморье, но *только* в том случае, если Советский Союз потерпит поражение в войне с Германией и не сможет оказать Японии никакого сопротивления. Мацуока, призывавший к *немедленному* вступлению в войну, занимал как раз противоположную позицию. Одновременно он предпринял ряд враждебных демаршей против Великобритании и США, в то время как Ф. Коноэ упорно, но безуспешно пытался нормализо-

вать отношения с Вашингтоном. 16 июля премьер подал в отставку, чтобы сформировать новый кабинет практически в том же составе, но без Мацуока, которого сменил осторожный адмирал-интеллектуал Т. Тоёда. Преемник Мацуока сразу же решительно подтвердил советскому послу, что Япония верна Пакту о нейтралитете (196). Соответствующая переориентация произошла и в средствах массовой информации. Если в 1940 г. орган МИД «Contemporary Japan», приветствуя назначение Мацуока, писал, что «время старой дипломатии прошло», то теперь на тех же страницах говорилось, что японской дипломатии нужен лидер-прагматик с «ясной головой», а не романтик (197).

Почему Мацуока так поступил? Почему он сам попытался перечеркнуть Пакт, заключением которого гордился как личным триумфом? Однозначного ответа на этот вопрос мы уже не получим, поскольку Мацуока унёс его с собой в могилу. Полагаю, что дело прежде всего в непоследовательности и неопределённости его геополитической ориентации в сочетании с такими личными качествами как импульсивность, граничившая с психической нестабильностью, и любовь к эффектным, но порой безответственным жестам и поступкам. Поэтому часто цитируемые слова его бывшего секретаря и доверенного лица Т. Касэ: «Мацуока был гений, динамичный и сумасбродный. Его мысль работала быстро и ярко, как молния... Он часто противоречил самому себе. Ведь последовательность и постоянство – это удел малого ума» (198) – являются явным преувеличением. Близкий к Мацуока Ё. Сайто вообще уверял, что министр выступил за войну против СССР только для «спасения лица» в связи с обязательствами Японии по Тройственному пакту, но сам твердо знал, что не будет никем поддержан (199). Это бездоказательное утверждение не выдерживает никакой критики.

Отставка Мацуока решила «проклятый вопрос»: идея «континентального блока» была похоронена навсегда, но точно так же была навсегда похоронена и идея совместного с Германией выступления против СССР (200). Можно согласиться с Б.Н. Славинским, что «Япония и Советский Союз в течение 1941–1945 гг., когда весь мир был охвачен военным пожаром, сумели сохранить между собой нормально-деловые, мирные отношения» (201), хоть и омрачённые отдельными инцидентами. Рузвельт и Черчилль всеми силами старались втянуть СССР в войну с Японией, что им удалось только летом 1945 г. (202). Но это уже совершенно иная проблема.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Факты, документы и материалы, изложенные в настоящем докладе с вынужденной краткостью, позволяют сделать вывод о возможности широкомасштабного военно-политического сотрудничества СССР, Германии и Японии осенью 1939 – весной 1941 гг., которое осенью 1940 – зимой 1941 гг. могло принять форму полноценного союза в виде «континентального (вариант: евразийского) блока». Возможность создания такого союза была обусловлена прежде всего тем, что:

во-первых, он в полной мере соответствовал геополитическим интересам всех его потенциальных участников;

во-вторых, по крайней мере часть правящих элит всех трёх стран осознала это и продемонстрировала способность и готовность руководствоваться не идеологическими, а геополитическими мотивами.

Основными причинами неудачи «континентального блока» были последовательно антирусская ориентация Гитлера и части его окружения, с одной стороны, и непрекращавшиеся усилия Великобритании, США и Китая (Чан Кайши) не допустить создания такого союза, с другой. Разумеется, комплекс и тех, и других причин много сложнее и нуждается в дополнительном изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бицилли П.М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Утверждения евразийцев. Кн.2. – Берлин, 1922; цит. по: Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. С.24.
2. *Мельтюхов М.И.* Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. – М., 1999. С.3.
3. Россия и Пространство // Элементы. № 4 (1993). С.32.
4. Основные издания. Германия: Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (далее: *ADAP*) = Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series D: 1937–1945. Vol.VI–XIII. – London, 1949–1983 (далее: *DGFP*); Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. – Washington, 1948 (перевод: СССР–Германия. <Кн.>1–2. – Vilnius, 1989). СССР: Документы внешней политики СССР. Т.XX–XXIII. – М., 1977–1998 (далее: *ДВП*). Япония: Официальное издание «Документов внешней политики Японии. Период Сева» (Нихон гайко мондзэ. Севаки. – Токио, 1977–1998) пока не включает основные тексты по теме исследования; заявления МИД Японии и речи премьер-министров и министров иностранных дел за эти годы см. в журнале «Contemporary Japan»; Гэндайси сирё. (Материалы по новейшей истории). Т.Х. – Токио, 1964; Тайхэйё сэно-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Бэкан. Сирёхэн. (Дополнительный том. Документы). – Токио, 1963. Италия: I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie. Vol.XII–XIII; Nona serie. Vol.I–II. – Roma, 1952–1957 (далее: *DDI*); Ciano's Diplomatic Papers. – London, 1948. США: Foreign Relations of the United States. Хронологические и тематические тома. Великобритания: Documents on British Foreign Policy. Third Series. Vol.V–IX. – London, 1955–1984. Сборники документов разных стран: Documents on the Events Preceding the Outbreak of the War. German White Book. – New York, 1940; Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т.1–2. – М., 1981; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.1–2. – М., 1990.
5. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol.1–42. – Washington. Trials of the War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals. Vol.XII–XIV. – <Washington, 1949> (процесс Э. фон Вайцзеккера); International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings. Vol.1–22 + Index and Guide. Vol.1–V. – New York–London, 1981–1987 (далее: *IMTFE*).
6. *Hitler A.* Mein Kampf. (русский перевод лишён комментариев и во многом неудачен: *Гитлер А.* Моя борьба. – Б.м., 1992); *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма (разные издания); *Молотов В.М.* Внешняя политика СССР. – М., 1940; Мацуока гайсе эндзэцусю. (Собрание речей министра иностранных дел Мацуока). – Токио, 1941; Opera Omnia di Benito Mussolini. Vol.XXIX–XXX. – Firenze, 1959–1960 и др.
7. *Риббентрон И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. – М., 1996; *Von Weizsäcker E.* Memoirs. – London, 1951; *Schmidt P.* Hitler's Interpreter. – London, 1950; *Hilger G., Meyer A.G.* The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918–1941. – New York, 1953; The Price of Admiralty. The War Diary of the German Naval Attaché in Japan, 1939–1943. Vol.I, II & III. – Ripe, 1982–1984.
8. *Харада К.* Сайондзи-ко то сэйкёку. (Принц Сайондзи и политическая обстановка). Т.1–8 + (1). – Токио, 1951–1956 (в приложении помещены записные книжки Харада, на основе которых он составлял свой дневник).
9. Коноэ никки. (Дневник Коноэ <Фумимаро>). – Токио, 1968; Кидо Коити никки. (Дневник Кидо Коити). Т.1–2. – Токио, 1966; Амо Эйдзи. Никки. Сирёсю. (Дневники. Материалы). Т.2–5. – Токио, 1989–1996.

10. Коноэ Ф. Хэйва-э-но дорёку. (Усилия к достижению мира). – Токио, 1946; Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усиनावарэси сэйдзи. (Записки принца Коноэ Фумимаро. Проигранная политика). – Токио, 1946; *Сигэмичу М.* Сёва-но доран. (Потрясения эры Сёва). Т.1–2. – Токио, 1952 (сокращённый перевод: *Shigemitsu M.* Japan and Her Destiny: My Struggle For Peace. – London, 1958); *Касэ Т.* Кайсороку. (Воспоминания). Т.1. – Токио, 1986; *Kase T.* Journey to the 'Missouri'. A Japanese Diplomat's Story of How His Country Made War and Peace. – New Haven, 1950; *Арума Х.* Хито-но мэ-но тири-о миру: гайко мондай кайсороку. (Видеть соринку в чужом глазу: воспоминания о дипломатических проблемах). – Токио, 1948; *Арума Х.* Бака Хати то ва хито ю: гайкокан-но кайсо. (Меня называют Хати-дурак: воспоминания дипломата). – Токио, 1959; *Того С.* Дзидай-но итимэн. (Одна сторона эпохи). – Токио, 1952 (перевод: *Togo S.* Воспоминания японского дипломата. – М., 1996).
11. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. – М., 1993; *Бережков В.С.* дипломатической миссией в Берлин. 1940–1941. – М., 1966; *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. – М., 1993; *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Кн.2. Мир или война? – М., 1964.
12. *Ciano G.* Diario, 1939–1943. – Milano, 1968.
13. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т.1–3. – М., 1990; *Fabre-Luce A.* La fumee d'un cigare. – Paris, 1949. Ср. позднейшие исследования: *Irving D.* Churchill's War. Vol.I. The Struggle for Power. – Australia, 1987; *Charmley J.* Churchill: The End of Glory. A Political Biography. – London, 1993.
14. *Earl of Avon.* The Eden Memoirs. Vol.II. The Reckoning. – London, 1965; *Duff Cooper A.* Old Men Forget. – London, 1953 и др.
15. *Henderson N.* Failure of a Mission. – London, 1940; *Craigie R.L.* Behind the Japanese Mask. – London, 1946.
16. Укажу наиболее значительные: *Bonnet G.* Fin d'une Europe: de Munich a la guerre. – Geneve, 1948; *Coulondre R.* De Staline a Hitler: Souvenirs des deux ambassades, 1936–1939. – Paris, 1950; *Reynaud P.* Memoirs. Vol.II. – Paris, 1961; *De Monzie A.* Cidevant. – Paris, 1941; *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Т.1–2. – М., 1965.
17. *Gafencu G.* Les preliminaires de la guerre a l'Est. – Geneve, 1944; Prelude to the Russian Campaign. – London, 1945; Derniers jours de l'Europe. – Paris, 1946; Last Days of Europe. A Diplomatic Journey in 1939. – New Haven, 1948.
18. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т.1–2. – М., 1958; The Memoirs of Cordell Hull. Vol.2. – New York, 1948.
19. Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diaries and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan, 1932–1942. – New York, 1944. *Grew J.C.* Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years, 1904–1945. Vol.2. – Boston, 1952
20. *Fleisher W.* Volcanic Isle. – Garden City NY, 1941.
21. *Phillips W.* Ventures in Diplomacy. – Boston, 1952.
22. *Irving D.* Hitler's War and War Path, 1933–1945. – London, 1991 и др.; *Toland J.* Adolf Hitler. Vol.1–2. – Garden City NY, 1976 (перевод: *Толанд Д.* Адольф Гитлер. Т.1–2. – М., 1993).
23. *Toscano M.*: 1) The Origins of the Pact of Steel. – Baltimore, 1963; 2) Designs in Diplomacy. Pages from European Diplomatic History in the Twentieth Century. – Baltimore, 1970.
24. *Fisher L.* Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941. – New York, 1969; *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. – М., 1999.
25. Нихон гайкоси. (История внешней политики Японии). Т.15. Ниссо кокко мондай, 1917–1945. (Проблемы японо-советских дипломатических отношений, 1917–1945). – Токио, 1970; Т.21. Нити-доку-и домэй оёби ниссо тюрицу дзёку. (Пакт

Японии, Германии и Италии и японо-советский пакт о нейтралитете). – Токио, 1971; Тайхэйё сэно-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Т.5–7. – Токио, 1963 (далее: *ТСМ*); Japan's Road to the Pacific War. Ed. J.W. Morley. <Vol.III>. Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940. – New York, 1976; <Vol.IV>. The Fateful Choice: Japan's Advance into South East Asia, 1939–1941. – New York, 1980; <Vol.V>. The Final Confrontation: Japan's Negotiations with the United States, 1941. – New York, 1994.

26. Мацуока Ёсукэ: соно хито то сёгай. (Мацуока Ёсукэ: личность и жизнь). – Токио, 1974; Гайсо Того Сигэнори. (Министр иностранных дел Того Сигэнори). Т.2. *Хагивара Н.* Того Сигэнори: дэнки то кайсэцу. (Того Сигэнори: биография и комментарии). – Токио, 1985; *Ябэ Т.* Коноэ Фумимаро. Т.1–2. – Токио, 1951–1952. В Японии «официальные биографии» издаются специальными комитетами, которые организуют сослуживцы и родственники покойного. Написание биографии поручается членом комитета или приглашённым авторам, но текст утверждается комитетом и отражает его мнение. И использованные в таких работах материалы часто недоступны другим исследователям, но к их утверждениям и выводам следует подходить с особой осторожностью.

27. *Oka Y.* Konoe Fumimaro. A Political Biography. – Lanham – New York – London, 1992; *Boyd C.* The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934–1939. – Washington, 1982; *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. General Hiroshi Oshima and the 'Magic' Intelligence, 1941–1945. – Lawrence, 1993; *Oates L.R.* Populist Nationalism in Prewar Japan. A Biography of Nakano Seigo. – Sydney–London, 1985; *Накано Я.* Сэйдзика Накано Сэйго (Политик Накано Сэйго). Т.2. – Токио, 1971. В биографии Мацуока: *Миwa К.* Мацуока Ёсукэ: соно нингэн то гайко. (Мацуока Ёсукэ: человек и дипломат). – Токио, 1971 – этот период освещён недостаточно. Сборники статей и коллективные работы: Нити-бэй канкэй си. Кайсэн-ни итару дзюэн (1931–1941 нэн). (История японо-американских отношений. Предвоенное десятилетие (1931–1941 гг.)). Т.1. Сэйфу сюно то гайкокикан. (Руководители правительства и дипломатические круги). – Токио, 1971 (английский вариант: Pearl Harbor as History: Japan–American Relations, 1931–1941. – New York, 1973); Сэнканкино Нихон гайко. (Внешняя политика Японии межвоенного периода). – Токио, 1984; Нихон гайко-но кики нинсики. (К пониманию кризиса внешней политики Японии). – Токио, 1985; Нихон-но киро то Мацуока гайко. 1940–1941. (Япония на перепутье и внешняя политика Мацуока. 1940–1941). – Токио, 1994.

28. *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. – London, 1964; *Barnes H.E.* Blasting the Historical Blackout. The Historical Blackout and A.J.P. Taylor's "The Origins of the Second World War" (1961) // *Barnes H.E.* Barnes Against the Blackout. – Costa Mesa, 1991; см. также: The Origins of the Second World War. Historical Interpretations. Ed. E.M. Robertson. – London, 1971.

29. *Hoggan D.L.* The Forced War: When Peaceful Revision Failed. – Costa Mesa, 1989 (первое английское издание; в 1961 г. книга была издана по-немецки).

30. Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath. Ed. H.E. Barnes. – Caldwell, 1953 (Newport Beach, 1993); *Beard C.A.* American Foreign Policy in the Making, 1932–1940. – New Haven, 1946; *Tansill C.C.* Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1937–1941. – Chicago, 1952; *Sanborn F.R.* Design for War. A Study of Secret Power Politics, 1937–1941. – New York, 1951; *D'Argile R., Ploncard d'Assac J., de Mauny M., Béarn J., Coston H., Cousteau P., Lebre H.* Les origines secrètes de la Guerre, 1939–1945. – Paris, 1957; *Walendy U.* Truth for Germany. The Guilt Question of the Second World War. – Vlotho/Weser, 1981.

31. *Молодяков В.Э.* Начало второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // *Отечественная история.* 1997. № 5.

32. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: накануне войны. – М., 1995; *Городецкий Г.* Роковой самообман; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв», 1939–1941 гг. – М., 1997. Историография дискуссии: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Под ред. Г.А. Бордюгова, сост. В.А. Невежин. – М., 1995; *Мельтюхов М.И.* Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях //Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996.

33. *Morgenstern G.* Pearl Harbor. The Story of the Secret War. – New York, 1947 (Costa Mesa, 1991); *Beard C.A.* President Roosevelt and the Coming of the War, 1941. – New Haven, 1948; *Theobald R.A.* The Final Secret of Pearl Harbor. The Washington Contribution to the Japanese Attack. – New York, 1954 (New Orleans, 1987); *Barnes H.E.* Pearl Harbor after a Quarter of a Century. – New York, 1972 (Torrance, 1980); *Toland J.* Infamy. Pearl Harbor and Its Aftermath. – New York, 1982, 1992; *Martin J.J.* Beyond Pearl Harbor. Essays on Some Historical Consequences of the Crisis in the Pacific in 1941. – Little Current, 1981; *Stinnet R.B.* Day of Deceit. The Truth about FDR and Pearl Harbor. – New York, 2000.

34. Германские документы: СССР–Германия. Кн.1; советские документы: **ДВП**. Т.ХХII.

35. *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. – М., 1991; *Roberts G.* The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo–German Relations and the Road to War, 1933–1941. – London, 1995.

36. Наиболее показательные примеры: *Fabry P.W.* Der Hitler–Stalin Pakt, 1939–1941. – Darmstadt, 1962; *Leonhard W.* Betrayal: The Hitler–Stalin Pact of 1939. – New York, 1989; *Roberts G.* The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler. – London, 1989; *Розанов Г.Л.* Сталин–Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. – М., 1991; *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. – М., 1992; *Nekrich A.M.* Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922–1941. – New York, 1997.

37. Германские документы: **DGFP**. D. Vol.XI; японские документы: **ТСМ**. Т.5; *Миякэ М.* Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. (Исследование Тройственного пакта Японии, Германии и Италии). – Токио, 1975. С.444–569 (подробный комментарий: Там же. С.569–643).

38. *Хосоя Т.* Нитидокуи сангоку домэй то ниссо тюрицу дзэяку. (Тройственный пакт Японии, Германии и Италии и японо-советский пакт о нейтралитете) // **ТСМ**. Т.5; *Миякэ М.* Указ. соч.; *Сайто Ё.* Адзамукарэта рэкиси: Мацуока то сангоку домэй-но рикэн. (Запутанная история: Мацуока и закулисная сторона Тройственного пакта). – Токио, 1955. Ср.: *Севостьянов Г.Н.* Подготовка войны на Тихом океане. (Сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). – М., 1962; *Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. – М., 1967; *Ikle F.W.* German-Japanese Relations, 1936–1940. A Study in Totalitarian Diplomacy. – New York, 1956; *Presseisen E.L.* Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy, 1933–1941. – The Hague, 1958.

39. Японские документы: *Кудо М.* Ниссо тюрицу дзэяку-но кэнкю. (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). – Токио, 1985; советские документы: **ДВП**. Т.ХХIII. Кн.2; *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. – М., 1995. Исследования: *Кудо М.* Указ. соч.; *Хосоя Т.* Указ. соч.; *Lensen G.A.* The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945. – Tallahassee, 1972; *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией; *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. – М., 1999 (эта книга включает значительную часть текста предыдущей).

40. Германские документы: СССР–Германия. Кн.2; советские документы: *ДВП*. Т. XXIII. Кн.2.
41. *Безыменский Л.А.*: Новая и новейшая история. 1995. № 4; Независимая газета. 1996, 08.05; *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. – М., 1997. С.256–278.
42. *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Берлин–Москва–Токио // *Элементы*. № 7 (1996). С.32. Заглавие изменено редакцией журнала.
43. Preface // *Ponsonby A.* Falsehood in Wartime: Propaganda Lies of the World War. – Costa Mesa CA, 1991. P.VII (первые: London, 1928).
44. Прежде всего это относится к Ч.О. Бирду, С. Фэю и Г.Э. Барнесу: *Fay S.* The Origins of the World War. – New York, 1928 (перевод: *Фэй С.* Происхождение мировой войны. Т.1–2. – М., 1934); *Barnes H.E.* The Genesis of the World War. – New York, 1926, 1929; *Barnes H.E.* In Quest of Truth and Justice: De-bunking the War Guilt Myth. – New York, 1928, 1972; *Cohen W.I.* The American Revisionists. The Lessons of Intervention in World War I. – Chicago–London, 1967; *Neumann W.L.* World War One Revisionist // Harry Elmer Barnes, Learned Crusader: the New History in Action. Ed. A. Goddard. – Colorado Springs, 1968. P.261–287.
45. Подробный разбор территориальных статей: *Degrelle L.* Hitler Born at Versailles. Vol.I of ‘The Hitler Century’. – Torrance, 1987. Позиция автора является прогерманской, но приводимые им факты говорят сами за себя.
46. *Ramsay A.H.M.* The Nameless War. – Б.м., б.г. P.58 (репринт издания 1952 г.).
47. *Villari L.* Italian Foreign Policy under Mussolini. – New York, 1956. P.92.
48. *Коноэ Ф.* Эй-Бэй хонрицу-но хэйвасюги-о хайсу (Против англо-американского мирового порядка) // *Нихон оэби нихондзин*. 1918, 15.12; перепечатано: *Коноэ Ф.* Сэйданроку. (Политическая эссе). – Токио, 1936. С.231–241. Анализ этого принципиально важного для японской политической философии документа: *Ябэ Т.* Указ. соч. Т.1. С.76–81; *Миwa К.* Мацуока Ёсукэ. С.59–62; *Berger G.M.* Japan’s Young Prince. Koноэ Fumimaro’s Early Political Career, 1916–1931 // *Monumenta Nipponica*. Vol. XXIX. № 4 (Winter 1974). P.457–459; *Наканиси Х.* Коноэ Фумимаро «Эй-Бэй хонрицу-но хэйвасюги-о хайсу» ромбун-но хайкэй: фуэрэнсюги-э-но тайшу. (Истинный смысл эссе Коноэ Фумимаро «Против англо-американского мирового порядка»: реакция на универсализм) // *Хогаку ронсо*. Т.132 (1990). № 4–5–6. С.225–258.
49. *Устрялов Н.* Итальянский фашизм. – М., 1999. С.38.
50. *Ока Y.* Op. cit. P.14.
51. *Royama M.* The History of the Japanese Foreign Policy, 1914–1939. – Tokyo, 1941. P.33–34.
52. *Хаусхофер К.* Указ. соч. С.34.
53. *Брюсов В.* Метерлинк-утешитель (о «жёлтой опасности») // Библиография. 1993. № 3. С.122 (публикация В.Э. Молодякова). Статья в переработанном виде вошла в: *Брюсов В.* Новая эпоха во всемирной истории // *Русская мысль*. 1913. № 12.
54. См. подробнее: *Shimazu N.* Japan, Race and Equality. The Racial Equality Proposal of 1919. – London, 1998.
55. Цит. по: *Брюсова И.М.* Материалы к биографии В.Я. Брюсова // *Брюсов В.* Избранные стихи. – М.–Л., 1933. С.129–130; впервые прокомментировано: *Молодяков В.Э.* Геополитика Валерия Брюсова: неизвестные страницы // Библиография. 1993. № 3. С.112.
56. *Lea H.* The Valor of Ignorance. – Boston, 1909.
57. *Хаусхофер К.* Указ. соч. С.33.
58. *Wywater H.C.* Sea-power in the Pacific. A Study of the American-Japanese Naval Problem. – London, 1921, 1934. P.310. Подробнее о будущей войне говорится в его самой известной книге, выросшей из заключительных глав «Морской силы»: *Wywater H.C.* The Great Pacific War, 1931–1933. – London, 1925. Она была переведена

на японский язык и изучалась в Генеральном штабе ВМФ и военных академиях; с книгой и её автором были знакомы Ф. Рузвельт и И. Ямамото, а ныне она считается первым импульсом к разработке японских планов атаки на Пёрл-Харбор: *Honan W.H. Visions of Infamy: The Untold Story of How Journalist Hector C. Bywater Devised the Plans That Led to Pearl Harbor.* – New York, 1991.

59. См. подробнее: *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. – М., 1999. Гл.1.

60. Цит. по: *Laquer W.* Russia and Germany. A Century of Conflict. – Boston, 1965. P.151 (немецкий оригинал остался мне недоступен).

61. *Ермаченко С.* Неизвестный друг России //Независимое военное обозрение. 1999. № 18. С.5. См. также: *Hilger G., Meyer A.G.* Op. cit. Ch.VII; *Fisher L.* Op. cit. Ch.IX–X. *Castellan G.* Reichswehr et Armée Rouge, 1920–1939 //Les relations Germano-Soviétiques de 1933 à 1939. – Paris, 1954; *Дьяков Ю.Л., Бушугева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. – М., 1992 (замечу, что эффектное заглавие последней книги исторически некорректно).

62. *Ермаченко С.* Указ. соч. Тексты фон Секта далее цитируются по этой статье.

63. *MacKinder H.* Democratic Ideals and Reality. – London, 1919, 1942; в основу книги положена его классическая работа: *Макиндер Х.* Геополитическая ось истории (1904) //Элементы. № 7 (1996).

64. *Хаусхофер К.* Указ. соч. С. 33.

65. См. его программную работу: *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. – München, 1927, 1932. Отмечу, что и Розенберг был не чужд англофильских симпатий.

66. *Устрялов Н.* Германский национал-социализм. – М., 1999. С.51.

67. *Irving D. Hess.* The Missing Years, 1941–1945. – London, 1989. P.15–37. Англофильство Гесса, бывшее одной из причин его полета в Шотландию в мае 1941 г., нередко приписывают влиянию отца и сына Хаусхоферов, хотя англофилом был только младший из них: *Молодяков В.Э.* Последний полет Рудольфа Гесса //Подмосковье. 1996. № 27–31.

68. *Fischer L.* Op. cit. P.446 (без ссылки на источник).

69. Цит. по: *Kilzer L.C.* Churchill's Deception. The Dark Secret That Destroyed Nazi Germany. – New York, 1994. P.68. Хороший анализ геополитических взглядов Риббентропа: *Michalka W.* From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc: Ribbentrop's Alternative Concept to Hitler's Foreign Program //Aspects of the Third Reich. Ed. H.W. Koch. – New York, 1985.

70. *Haushofer K.* Dai Nihon. – Berlin, 1913. S.262. Термин «Средняя Европа» (Mitteleuropa) – один из ключевых в лексиконе Хаусхофера – обозначал не только Германию, но все земли, которые населены немцами и в будущем должны составить единое национальное германское государство.

71. *Haushofer K.* Geopolitik des Pazifischen Ozeans. – Berlin, 1924. S.142–143.

72. *Irving D. Hess.* The Missing Years, 1941–1945. P.48. Пояснения в скобках даны мной.

73. *Haushofer K.* Das Japanische Reich in seiner geographischen Entwicklung. – Wien, 1921. S.151.

74. Цит. по: *Weigert H.W.* Haushofer and the Pacific //Foreign Affairs. Vol.20 (1942). № 4. Написано в 1925 г.; источник цитаты не указан.

75. Письмо Ю. Мадеру от 9 сентября 1964 г.: *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. – Берлин, 1988. С.135.

76. Анализ геополитических идей Зорге: *Молодяков В.Э.* Рихард Зорге – воин Евразии //Знакомьтесь: Япония. № 15 (1996); Русский геополитический сборник. № 3. (1998).

77. Письмо К. Фовинкеля Ю. Мадеру от 29 сентября 1964 г.: *Мадер Ю.* Указ. соч. С.258.
78. *Зорге Р.* Японские вооруженные силы // *Зорге Р.* Статьи, корреспонденции, рецензии. – М., 1971; *Мадер Ю.* Указ соч.; Русский геополитический сборник. № 3. Далее цитируется по последней публикации.
79. См. подробнее: *Молодяков В.Э.* Сиратори Тосио и Анतिकоминтерновский пакт Японии и Германии: страницы истории // Япония 1999–2000. Ежегодник. – М., 2000. В печати.
80. Цит. по: История войны на Тихом океане. Пер. с яп. – М., 1957. Т.2. С.345.
81. *ТСМ.* Т.5. С.34; *Deterrent Diplomacy.* P.263–264. Немецкий оригинал: *Sommer T.* Deutschland und Japan Zwischen den Machten, 1935–1940. Von Antikominternpakt zum Dreimachtepakt, eine Studie zur diplomatischen Vorgeschichte des Zweiten Weltkriegs. – Tubingen, 1962. S.495–496.
82. Нихон гайко си. (История внешней политики Японии). Т.15. Гл.1–6; *Кумаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. – М., 1962. Гл.2; *Lensen G.A.* Japanese Recognition of the USSR. Soviet-Japanese Relations, 1921–1930. – Tokyo–Tallahassee, 1970. Ch.1-6; *Фудзимото В.* Установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 г. // Новый мир истории России. Форум российских и японских историков. – М., 2000. В печати.
83. *Kajima M.* The Emergence of Japan as a World Power, 1895–1925. – Rutland–Tokyo, 1968. P.294.
84. Нихон гайко си. (История внешней политики Японии). Т.15. Гл.7–9; *Кумаков Л.Н.* Указ. соч. Гл.2; *Lensen G.A.* Japanese Recognition of the USSR. Soviet-Japanese Relations, 1921–1930. Ch.7–12.
85. См. подробнее: *Того С.* Указ соч. С.98–115 (глава «Первый служебный срок в Берлине»).
86. Нихон гайко си. Т.15. Гл.10; *Lensen G.A.* The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crisis, 1924–1935. – Tallahassee, 1974. Ch.6; *Sakai T.* Мансuo дзихэн то ниссо канкэй («Маньчжурский инцидент» и японо-советские отношения) // Сурабу то Нихон. (Славянство и Япония). – Токио, 1995; *Тэраяма К.* Маньчжурский инцидент и СССР // *Acta Slavica Iaponica.* Т.14. 1997.
87. *Fox J.P.* Germany and Far Eastern Crisis, 1931–1938. – Oxford. 1985. P.18–19 (неопубликованное письмо Г. фон Дирксена статс-секретарю МИД Б. фон Бюлову от 5 мая 1932 г.).
88. *ADAP.* Serie B: 1925–1933. Band XX. S.300–301 (Б. фон Бюлов – Г. фон Дирксену, 14 июня 1932 г.).
89. *ДВП.* Т.ХV. С.465–468 (из дневника И.И. Спильванека; № 318 от 12 августа 1932 г.).
90. *Накано Я.* Указ. соч. Т.2; *Молодяков В.Э.* Жизнь и смерть «сацумского сокола»: политик Накано Сэйго // Япония. 1998–1999. Ежегодник. – М., 1999.
91. *Peattie M.R.* Ishiwarra Kanji and Japan's Confrontation with the West. – Princeton, 1975. P.15–16. О военном планировании в отношении СССР см. работу группы бывших японских офицеров, выполненную для оккупационных властей: *War in Asia and the Pacific.* Vol.10, 11. Japan and the Soviet Union. Parts 1, 2. – New York–London, 1980.
92. Исследований о Сиратори почти нет, за исключением: *Тобэ Р.* Сиратори Тосио то «кодо гайко». (Сиратори Тосио и «дипломатия императорского пути») // *Бэй дайгакко киё.* Сякай кагаку хэн. № 40 (март 1980); *Тобэ Р.* Гайко-ни окэру «сисотэки рикё»-но танкю: Сиратори Тосио-но кодо гайкорон. (Поиск «концептуальных оснований» внешней политики: Сиратори Тосио и его «дипломатия императорского пути») // *Кокусай сэйдзи.* № 71 (Август 1982). Автор настоящей работы завершает монографию «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) и японская политика», материалы и выводы которой использованы в докладе.

93. Архив МИД Японии. А-1-0-0-6. Отдельная единица хранения под названием «Переписка Сиратори-Арита. Сёва 10.11» (т.е. ноябрь 1935 г.). Фотокопия с машинописи; местонахождение оригиналов неизвестно. Письма полностью не опубликованы, но фигурировали на Токийском процессе как свидетельства обвинения по делу Сиратори и частично включены в его стенограмму: *IMTFE*. P.7884–7887, 34838–34844.
94. *Сиратори Т.* Дзэнтайсюги то кокумин сэнсэн. (Тоталитаризм и Народный фронт) // *Сиратори Т.* Кокусай Нихон-но тии. (Международный статус Японии). – Токио, 1938; *Shiratori T.* Fascism versus Popular Front // *Contemporary Japan*. Vol.VI. № 4 (March 1938). Отметим изменение в терминологии для иностранного читателя: «фашизм» вместо «тоталитаризм».
95. *Рояма М.* Сэкай-но хэнкёку то синдoko. (Мировые изменения и последние тенденции) // *Рояма М.* Сэкай-но хэнкёку то Нихон сэйкай сэйсаку (Мировые изменения и глобальная политика Японии). – Токио, 1938.
96. *Молодяков В.Э.*: 1) Геостратегия «меланхолического принца». Проекты и свершения Коноэ Фумимаро // *Япония*. 1994–1995. Ежегодник. – М., 1996; 2) Геостратегические проекты принца Коноэ // *Русский геополитический сборник*. № 2. 1996.
97. *Морозов Е.Ф.* Последний фельдмаршал // *Русский геополитический сборник*. № 2. 1996. Там же в сокращении републикована работа Д.А. Милотина «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики» (1846).
98. *Константинов С.В.*: 1) Сталин как геополитик // *Элементы*. № 4 (1993); 2) Сталин в борьбе за единство России // *Русский геополитический сборник*. № 2. 1996; 3) Замолчанный Сталин // Там же.
99. *Савицкий П.Н.* Континент Россия. – М., 1998 (вступительная статья А.Г. Дугина); *Вернадский Г.В.*
100. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // На путях. Утверждения евразийцев. Кн.2; цит. по: Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. С.124.
101. *Ключников Ю.В.* Смена веж // Смена веж. – Прага, 1921; цит. по полной публикации сборника: Литературное обозрение. 1991. № 7. С.71.
102. *Устрялов Н.В.* Patriotica // Смена веж; цит. по: Там же. С.77.
103. *Потехин Ю.В.* Физика и метафизика русской революции // Смена веж; цит. по: Там же. С.109.
104. *Устрялов Н.В.* Итальянский фашизм. С.183.
105. *Kissinger H.* Diplomacy. – London. 1995. P.332
106. *Городецкий Г.* Роковой самообман. С.18. Ср.: *Hoggan D.L.* Op. cit. Ch.14.
107. *Риббентроп И. фон.* Указ соч. С.134.
108. Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С.161.
109. *Zeitschrift für Geopolitik*. 1939. P.773; цит. по: *Weigert H.W.* Op. cit. P.740.
110. *Dallin D.J.* Soviet Russia's Foreign Policy. – New Haven, 1944. P.22.
111. *Городецкий Г.* Роковой самообман. С.68–69.
112. An Interview with General Otto Ernst Remer // *Journal of Historical Review*. P.109.
113. *Kissinger H.* Op. cit. P.333.
114. *Городецкий Г.* Роковой самообман. С.355.
115. *Николаев М.Г.* «Два капитана». К истории дрейфа ледокола «В. Суворов» // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? С.32.
116. *Taylor A.J.P.* Op. cit. P.316. Ср.: *Fuse K.* Rapprochement between Germany and the Soviet Union // *Contemporary Japan*. Vol.VIII. № 7 (September 1939).
117. Правда. 1939. 01.09; цит. по: СССР–Германия. Кн.1. С.75.
118. *Sudoplatov P.* Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Witness – a Soviet Spymaster. – Boston–New York, 1995. P.222.
119. *Uldriks T.* Evolving Soviet Views of the Nazi-Soviet Pact // *Labyrinth of Nationalism: Complexities of Diplomacy*. – Columbus, Ohio, 1992; цит. по: *Городецкий Г.* Роковой самообман. С.22.

120. **DDI**. Ottawa Serie. Vol.XIII. P.1 (запись беседы Г. Чиано с И. фон Риббентропом; № 1 от 11 августа 1939 г.).
121. **ДВП**. Т.ХХIII. Кн.1. С.245 (В.М. Молотов — Л.Б. Гельфанду; № 135 от 1 мая 1940 г.).
122. Цит. по первой публикации: *Irving D. Goebbels. Mastermind of the Third Reich*. – London, 1996. P.307.
123. Телеграмма посла Х. Осима министру иностранных дел Х. Арита № 824 от 22 августа 1939 г. // **ТСМ**. Т.5. С.159.
124. **DGFP**. Series D. Vol.VII. P.193–195 (меморандум Э. фон Вайцеккера; № 186 от 22 августа 1939 г.) // СССР–Германия. Кн.2. С.55–57. Далее ссылки на эти издания даются параллельно.
125. Телеграмма посла Х. Осима министру иностранных дел Х. Арита (Токио) № 832 от 23 августа 1939 г. // **ТСМ**. Т.5. С.159–160; **DGFP**. Series D. Vol.VII. P.191 (Э. фон Вайцеккер – Э. Отту; № 183 от 22 августа 1939 г.).
126. **ДВП**. Т.ХХII. Кн.2. С.39–40 (из дневника временного поверенного в делах СССР в Японии Н.И. Генералова; № 554 от 7 сентября 1939 г.); С.47–49 (запись беседы В.М. Молотова с С. Того; № от 9 сентября 1939 г.).
127. **DGFP**. Series D. Vol.VIII. P.8–11 (посол в Италии Г.Г. Макензен – Э. фон Вайцеккеру; № 11 от 5 сентября 1939 г.); меморандум И. фон Плессена приложен к письму.
128. *Накано С.* Докусо фукасин дзёяку то Нихон. (Германо-советский пакт о ненападении и Япония) // Бунгэй сюндзю. 1939. Спец. выпуск (сентябрь). С.1–4.
129. *Japan Surveys the European War*. – Tokyo, 1940. P.13–14.
130. *Drieu La Rochelle P.* Journal, 1939–1945. – Paris, 1992. P.88.
131. *Сиратори Т.* Осю-но син дзёсэй то Нихон-но татяи. (Новая ситуация в Европе и положение Японии) // Тюо корон. 1939. № 12; Осю дзёсэй то Нихон-но синро. (Ситуация в Европе и курс Японии) // Дзицугё-но сэкай. 1939. № 11; Осю тайсэн то Нихон-но тайдо. (Великая европейская война и позиция Японии) // *Сиратори Т.* Нити-доку-и судзюку рон. («Ось» Япония–Германия–Италия). – Токио, 1940. С.15–36; Осюсэн-но мидукаси. (Взгляд на европейскую войну) // Гэндай. 1940, № 4; Дайнидзи осю тайсэн то Нихон. (Вторая великая европейская война и Япония) // Канкай дзёхо. 1940, № 4.
132. Первые введён в научный оборот: **ТСМ**. Т.5. С.237–238; полный текст: *Ёсии Х.* Нити-доку-и сангоку домэй то нити-бэй канкэй. (Тройственный пакт Японии, Германии и Италии и японо-американские отношения). – Токио, 1987. С.75–86. М. Номура выразил сомнения в авторстве Сиратори: *Номура М.* Тайхэйё сэнсо то Нихон гумбу. (Война на Тихом океане и военные круги Японии). – Токио, 1983. С. 201–218 – однако его аргументы представляются неубедительными, а доказательно атрибутировать документ кому-либо другому он не смог.
133. *Zeitschrift für Geopolitik*. 1940. P.292; цит. по: *Weigert H.W.* Op. cit. P.741.
134. *Сиратори Т.* Тайсо сэйсакү-но сайкосацу. (Переосмысление политики в отношении СССР) // Кэйдай дзёхо сэйкэйхэн. 1940, № 3.
135. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т.3. – М., 1953. С.79–95.
136. *Phillips W.* Op. cit. P.257–258.
137. Основные документы: **ДВП**. Т.ХХII. Кн.2. Т.ХХIII. Лучший анализ: *Toscano M.* Italy and the Nazi-Soviet Accords of August, 1939; *Italo-Soviet Relations, 1940–1941: Failure of an Accord* // *Toscano M.* Designs in Diplomacy.
138. **ТСМ**. Т.5. С.350–357; ср. более ранний вариант: Там же. С.346–349.
139. Наиболее подробно эти идеи развил Т. Сиратори: Доси кокка-но кэцумэй. (Кровный союз стран-товарищей) // *Сиратори Т.* Татакаи-но дзидай. С.93–104; Асита-но сэкай-э. (К завтрашнему миру) // Там же. С.77–86; Сангоку дзёяку-но сэкайситэки иги. (Всемирно-историческое значение Тройственного пакта) // Там же. С.87–92;

Нити-доку-и сэкай сайкэн-но гэри. (Японо-германо-итальянские принципы переустройства мира) // Там же. С.105–134; Нити-доку-и сангоку домэй-но кайкэцу. (Заключение Тройственного пакта Японии, Германии и Италии) // Канкай дзэхо. 1940, № 10; Сангоку домэй то Нихон (Тройственный пакт и Япония) // Нихон хёрон. 1940, № 11; Сэкай синтицудзё то асита-но сэкай. (Новый мировой порядок и завтрашний мир) // Гайти хёрон. 1940, № 12; Сэкай синтицудзё-но ринэн. (Кredo нового мирового порядка) // Дайдзисюги. 1940, № 12; Сангоку домэй то Нихон-но дзэнто. (Тройственный пакт и перспективы Японии) // Гэндай. 1940, № 12; Сангоку домэй то сэкай синтицудзё. (Тройственный пакт и новый мировой порядок) // *Сиратори Т.* Тэнкан Нихон-но сёсэйсаку. (Политика меняющейся Японии). – Токио, 1941. С.30–72; Сангоку домэй то асита-но сэкай. (Тройственный пакт и завтрашний мир) // Там же. С.114–124; *The Three-Power Pact and the World of Tomorrow* // *Contemporary Japan*. Vol.IX. № 12 (December 1940); *Preparing for a New World Order* // Там же. Vol.X. № 4 (April 1941).

140. *ДВП*. Т.ХХIII. Кн.1. С.627–630 (запись беседы В.М. Молотова с В. Типпельскирхом; № 402 от 26 сентября 1940 г.); *DGFP*. Series D. Vol.XI. P.195–196 (В. Типпельскирх – И. фон Риббентропу; № 113 от 27 сентября 1940 г.) // СССР–Германия. Кн.2. С.80–82 (№ 61). Информация исходила от Р. Зорге; см. его донесение из Токио от 21 сентября 1940 г.: *Гаврилов В.* Некоторые новые аспекты предыстории советско-японской войны 1945 года // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4. С.103–104. Зорге сообщал, что «немцы будут пытаться привлечь к этому пакту Советский Союз».

141. *DGFP*. Series D. Vol.XI. P.291–297 (И. фон Риббентроп – И.В. Сталину; № 176 от 13 октября 1940 г.) // СССР–Германия. Кн.2. С.84–90 (№ 62).

142. *Dulffer J.* The Tripartite Pact of 27th September 1940: Fascist Alliance or Propaganda Trick? // *The Tripartite Pact of 1940: Japan, Germany and Italy*. – London, 1984. P.14.

143. *Irving D.* Hitler's War and War Path, 1933–1945. P.319.

144. Эту мысль подчеркивали многие авторы, начиная с Г. Хильгера: *Hilger G., Meyer G.A.* Op. cit. P.338.

145. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: накануне войны. С.185–186.

146. *Hilger G., Meyer G.A.* Op. cit. P.328–330. Подробный анализ: *Городецкий Г.* Роковой самообман. Гл.10.

147. *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С.179.

148. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: накануне войны. С.200.

149. *ДВП*. Т.ХХIII. Кн.1. С.695–697 (запись беседы В.М. Молотова с Ф. Шуленбургом; № 456 от 19 октября 1940 г.); *DGFP*. Series D. Vol.XI. P.334–335 (Ф. Шуленбург – И. фон Риббентропу; № 200 от 20 октября 1940 г.).

150. Первый публикатор «Директив» Л.А. Безыменский считает, что Сталин *продуктовал* их Молотову: Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.77. Вероятнее всего, Молотов законспектировал свою беседу или обмен мнениями со Сталиным, конкретизировав его указания общего характера. В.Я. Сиполс утверждает, что «Директивы» – плод коллективного творчества Сталина, Молотова и неназванных «других членов Политбюро» и что они «были утверждены» коллективно, не приводя однако никаких доказательств: *Сиполс В.* Указ. соч. С.263–264; Эта версия восходит к официальной советской историографии и является маловероятной, поскольку все важнейшие внешнеполитические решения Сталин принимал единолично или, в крайнем случае, после обсуждения с Молотовым.

151. Советские документы: *ДВП*. Т.ХХIII. Кн.2 (1); немецкие документы: СССР–Германия. Кн.2. Воспоминания участников событий: *Schmidt P.* Op. cit. P.209–220; *Бережков В.М.* С дипломатической миссией в Берлин. С.22–48; *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. С.50–53.

152. *DGFP*. Series D. Vol.XI. P.714–715 (Ф. Шуленбург – И. фон Риббентропу; № 404 от 26 ноября 1940 г.) // СССР–Германия. Кн.2. С.132–133 (№ 73).

153. *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. С.56.
154. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: накануне войны. С.185.
155. Новейшая попытка защиты этой версии: *Суполл В.* Тайны дипломатического. С.256–278 – не выдерживает критики в свете указанных документов. Интересно, что такой же точки зрения, хоть и с другой мотивировкой, придерживался Л. Виллари в книге, призванной оправдать дипломатию Муссолини: *Villari L.* Op. cit. P.274.
156. *ДВП.* Т. XXIII. Кн.2 (1). С.95–106 (политическое письмо полномочного представительства СССР в Германии; № 529 от 19 ноября 1940 г.).
157. *Бедрицкий А.В.* Империи и цивилизации //Русский геополитический сборник. № 3. С.14; *Presseisen E.L.* Op. cit. P.280.
158. *Того С.* Указ. соч. С.214.
159. Интервью Л. Дегрелля: Последний фольксфюрер //Элементы. № 6. 1995. С.48; *Городецкий Г.* Роковой самообман. Гл.4–5.
160. Там же. С.237.
161. *Presseisen E.L.* Op. cit. P.22; *Weigert H.W.* Op. cit. P.742.
162. Приведено: *Дугин А.* Конспирология. – М., 1993. С.103.
163. *Бережков В.* С дипломатической миссией в Берлин. С.102–103; *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. С.50–51.
164. Там же. С.103.
165. *Presseisen E.L.* Op. cit. P.277.
166. *Сакамото Т., Хата И., Ханто К., Хосака К.* Рэкиси то рэкиси нинсики. (История и понимание истории) //Секун. 2000. № 2. С.99. «Круглый стол» японских историков.
167. Наиболее типичные примеры: *Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Указ. соч.; Японский милитаризм. Военно-историческое исследование. – М., 1972; *Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.* Суд в Токио. – М., 1980; *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. – М., 1989. Наиболее ревностными защитниками этой малопопулярной теории останутся А.А. Кошкин и И.А. Латышев.
168. См. подробнее: *Молодяков В.* Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токийском процессе). – Токио, 1996. С.58–63.
169. *ADAP.* Series D. Band X. S.270–271, 392–393 (посол Э. Отт в МИД; № 273 и 339 от 2 и 14 августа 1940 г.).
170. См. подробнее работы С. Нагаока, И. Хата, Д. Цунода: *ТСМ.* Т.6; частично переведены: *The Fateful Choice: Japan's Advance into South East Asia, 1939–1941.*
171. *ДВП.* Т. XXIII. Кн.2 (1). С.11 (В.М. Молотов – полпреду в Японии К.А. Сметанину; № 477 от 1 ноября 1940 г.).
172. *DGFP.* Series D. Vol.XI. P.512–513 (Э. Отт – И. фон Риббентропу; № 311 от 11 ноября 1940 г.).
173. *ДВП.* Т. XXIII. Кн.2 (1). С.111–113 (В.М. Молотов – К.А. Сметанину; № 533 от 19 ноября 1940 г.).
174. Памятная записка зам. наркома иностранных дел С.А. Лозовского В.М. Молотову от 22 февраля 1941 г.: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.69–70.
175. *ДВП.* Т. XXIII. Кн.2 (1). С.116–120 (запись беседы В.М. Молотова с Ё. Татэкава; № 537 от 21 ноября 1940 г.).
176. *ТСМ.* Т.5. С.281–282. Документ разработан в начале января 1941 г.
177. *ДВП.* Т. XXIII. Кн.2 (2). С.497–502 (записи бесед В.М. Молотова и И.В. Сталина с Ё. Мацуока; № 733, 734 от 24 марта 1941 г.). История переговоров Мацуока в Москве наиболее подробно изложена: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.70–109.
178. *DGFP.* Series D. Vol.XII. P.376–383, 386–394, 405–409, 413–420, 453–458, 469–474 (Записи бесед А. Гитлера и И. фон Риббентропа с Ё. Мацуока; № 218, 222,

230, 233, 266, 278 от 31 марта – 7 апреля 1941 г.). Указание Гитлера в директиве В. Кейтеля: Там же. P.220 (директива ОКВ № 24; № 125 от 5 марта 1941 г.).

179. *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.75.

180. Запись беседы В.М. Молотова с Ё. Мацуока от 7 апреля 1941 г.: Там же. С.75–83 (цитата: С.79). В *ДВП* не включено.

181. Запись беседы В.М. Молотова с Ё. Мацуока от 9 апреля 1941 г.: Там же. С.83–87. В *ДВП* не включено.

182. Запись беседы В.М. Молотова с Ё. Мацуока от 11 апреля 1941 г.: Там же. С.88–90 (цитата: С.89). В *ДВП* не включено.

183. *ДВП*. Т. XXIII. Кн.2 (2). С.560–565 (запись беседы И.В. Сталина с Ё. Мацуока; № 772 от 12 апреля 1941 г.). Текст Пакта и относящихся к нему документов: Там же. С.565–567; *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.105–109.

184. Наиболее подробное и красочное описание проводов: *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P.158–159. См. также: *Ниси Х.* Соно хи-но Мосукува. (Москва в этот день) //Приложение к: *ТСМ*. Т.5. С.1–4. Х. Ниси был советником японского посольства в Москве и принимал участие в переговорах.

185. О роли «югославского фактора»: *Городецкий Г.* Роковой самообман. Гл.7, 9. Его же ранее утверждение: «Первой реакцией на разгром Югославии стало поспешное заключение Пакта о нейтралитете с Японией... Сталин так рвался заключить соглашение, что отказался от всех своих ранее выдвигавшихся оговорок и уступил чрезмерным японским требованиям» (*Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: накануне войны. С.182) является явным преувеличением; в новой книге оно не повторено.

186. *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.98.

187. *Kase T.* Op. cit. P.48.

188. *Tolischus O.D.* Tokyo Record. – New York, 1943. P.107; *Касэ Т.* Нихон гайко-но сюжукати. (На главных ролях в японской дипломатии). – Токио, 1974. С.132.

189. *Зорге Р.* Большой поворот. «Ревизия» японской внешней политики в связи с Тройственным пактом //Во всех изданиях, указанных в примечании (78).

190. *Синобу С.* Киндай Нихон гайкоси. (История дипломатии современной Японии). – Токио, 1942. С.280.

191. *Борисов Ю.А.* СССР и США – союзники в годы войны, 1939–1945 гг. – М., 1983. С.41.

192. *Grew J.C.* Ten Years in Japan. P.349. Запись от 1 ноября 1940 г.

193. Там же. P.385.

194. Запись беседы К.А. Сметанина с Ё. Мацуока от 23 июня 1941 г. цит. по: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.117.

195. Запись беседы В.М. Молотова с Ё. Татэкава от 29 июня 1941 г. цит. по: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.118–119.

196. Изложение бесед К.А. Сметанина с Т. Тоёда 25 июля, 5 и 13 августа 1941 г.: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С.125–128.

197. *Kita S.* Yosuke Matsuoka, New Foreign Minister //Contemporary Japan. Vol.IX. № 9 (September 1940); *Abe S.* Teijiro Toyoda, the New Foreign Minister //Там же. Vol.X. № 8 (August 1941).

198. *Kase T.* Op. cit. P.43.

199. *Саймо Ё.* Указ. соч. С.180–181.

200. Используя тенденциозно подобранные, истолкованные и процитированные документы некоторые авторы говорят о «подготовке к нанесению удара по СССР», «выработке решения о вступлении в войну против СССР летом 1941 г.», «изменении сроков японского нападения на СССР», «продолжении подготовки удара на север», игнорируя тот факт, что эти разработки не шли дальше рутинных оперативно-тактических планов, а руководство Японии (ни военное, ни гражданское) никогда не

принимало решения о начале войны против СССР. Типичный пример подобных утверждений: *Кошкин А.А.* Указ. соч. Гл. III–V.

201. *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 10.

202. См. подробнее: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Гл. 8–11; *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне. Гл. 4–7.

ВАСИЛИЙ ЭЛИНАРХОВИЧ МОЛОДЯКОВ

Берлин–Москва–Токио:
к истории несостоявшейся «оси», 1939–1941

Ответственный за выпуск – А.И. Ушаков.
Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина.

ИД № 01428 от 05.04.2000

Подписано в печать с оригинал-макета 13.10.2000

Формат 60×80 1/16. Усл. печ. л. 4,5

Научно-исследовательский центр АИРО-XX

E-mail: airo@online.ru